

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
Кафедра языкознания и страноведения Востока**

КОНДРАТЬЕВА
Лада Алексеевна

**ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЯПОНЦЕВ В
НАЧАЛЕ XX В. (НА ПРИМЕРЕ ПРОЗЫ АКУТАГАВЫ РЮНОСКЭ)**
Дипломная работа

Научный руководитель:
старший преподаватель
кафедры языкознания и страноведения Востока
О.Л. Коренькова

Допущена к защите

« ___ » _____ 2021 г.

Зав. кафедрой языкознания и страноведения Востока
кандидат исторических наук, профессор В.Р. Боровой
Минск, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	6
ГЛАВА 1.....	7
ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЯПОНЦЕВ.....	7
1.1 Японский характер и японская национальная идентичность.....	7
1.2 Роль историко-географического аспекта в формировании японского национального характера.....	8
1.2.1 Переход от Мэйдзи до Тайсё: трансформация японской национальной мысли.....	9
1.2.2 Внешняя политика Японии в начале XX века.....	12
1.3 Духовная жизнь Японии в формировании японского национального характера.....	13
1.3.1 Культура Японии как отражение японского национального характера.....	14
1.3.2 Традиционные верования Японии.....	17
1.3.3 Литературный процесс в Японии конца XIX – начала XX вв.....	19
ГЛАВА 2.....	25
ТВОРЧЕСТВО АКУТАГАВЫ РЮНОСКЭ В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ.....	25
2.1 Индивидуальность творчества Акутагавы.....	26
2.2 Национальная идентичность в произведениях Акутагавы.....	29
2.2.1 Общеэтнические японские черты в произведениях Акутагавы.....	30
2.2 Японские черты межгруппового взаимодействия в произведениях Акутагавы.....	37
2.3 Отражение быденно-житейских черт японцев в произведениях Акутагавы.....	39
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	47
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	49

РЕФЕРАТ

Дипломная работа: 51 с., 38 источников.

Ключевые слова: ЯПОНИЯ, НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ, ЛИТЕРАТУРА, АКУТАГАВА РЮНОСКЭ, ТАЙСЁ, МЭЙДЗИ.

Объект исследования: японская национальная идентичность.

Цель исследования: на примере произведений Акутагавы Рюноскэ рассмотреть вопросы национальной идентичности японцев в начале XX века.

Методы исследования: в работе применены описательный и сравнительно-исторический методы, используются приемы классификации и литературного анализа художественных произведений.

Полученные результаты и их новизна: научная новизна заключается в подходе к исследованию темы национальной идентичности. Анализ производится на основе массива произведений автора, каждое из которых рассматривается с точки зрения главенствующей тематики в сочетании с исследованием вопроса о национальной идентичности.

Область возможного практического применения: исследование помогает расширить представления о произведениях Акутагава Рюноскэ в аспекте выражения национальной идентичности.

Автор работы подтверждает, что приведенный в ней расчетно-аналитический материал правильно и объективно отражает состояние исследуемого процесса, а все заимствованные из литературных и других источников теоретические, методологические и методические положения и концепции сопровождаются ссылками на их авторов.

(подпись студента)

РЭФЕРАТ

Дыпломная работа: 51 с., 38 крыніц.

Ключавыя словы: ЯПОНІЯ, НАЦЫНАЛЬНАЯ ІДЭНТЫЧНАСЦЬ, ЛІТАРАТУРА, АКУТАГАВА РУНОСКЭ, ТАЙСЁ, МЭЙДЗІ.

Аб'ект даследавання: японская нацыянальная ідэнтычнасць.

Цэль даследавання: на прыкладзе твораў Акутагава Рюноскэ разгледзець пытанні нацыянальнай ідэнтычнасці японцаў ў пачатку XX стагоддзя.

Метады даследавання: у працы ужытыя апісальны і параўнальна-гістарычны метады, выкарыстоўваюцца прыёмы класіфікацыі і літаратурнага аналізу мастацкіх твораў.

Атрыманыя вынікі і іх навізна: навуковая навізна заключаецца ў падыходзе да даследавання тэмы нацыянальнай ідэнтычнасці. Аналіз вырабляецца на аснове масіва твораў аўтара, кожнае з якіх разглядаецца з пункту гледжання пануючай тэматыкі ў спалучэнні з даследаваннем пытання аб нацыянальнай ідэнтычнасці.

Вобласть магчымага практычнага прымянення: даследаванне дапамагае пашырыць уяўленні аб творах Акутагава Рюноскэ ў аспекце выразы нацыянальнай ідэнтычнасці.

Аўтар працы пацвярджае, што прыведзены ў ёй разлікова-аналітычны матэрыял правільна і аб'ектыўна адлюстроўвае стан доследнага працэсу, а ўсе запазычаныя з літаратурных і іншых крыніц тэарэтычныя, метадалагічныя і метадычныя становішча і канцэпцыі суправаджаюцца спасылкамі на іх аўтараў.

(подпіс студэнта)

ANNOTATION

Degree paper: 51 p., 38 sources.

Key words: JAPAN, NATIONAL IDENTITY, LITERATURE, AKUTAGAWA RYUNOSKE, TAISHO, MEIJI

Object of study: Japanese national identity.

Purpose of research: on the example of the works of Akutagawa Ryunosuke, consider the issues of the national identity of the Japanese people at the beginning of the 20th century.

Research methods: descriptive and comparative-historical methods, as well as methods of classification and literary analysis are used.

Obtained results and their novelty: scientific novelty lies in the approach to the study of the topic of national identity. The analysis is carried out on the basis of an array of works by the author, each of which is considered from the point of view of the dominant theme combined with research of the issue of national identity.

Area of possible practical application: the study helps to expand the understanding of the works of Akutagawa Ryunosuke in terms of the expression of national identity.

The author of the work confirms that computational and analytical material presented in it correctly and objectively reproduces the picture of investigated process, and all theoretical, methodological and methodical positions and concepts borrowed from literary and other sources are given references to their authors.

(student's signature)

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Актуальность данной работа состоит, во-первых, в наличии неугасаемого интереса к изучению творчества японских авторов-классиков, среди которых одним из наиболее известных является Акутагава Рюноскэ. Во-вторых, время жизни Акутагавы Рюноскэ выпадает на трансформационный период японской социальной и культурной мысли, что позволяет сделать важные наблюдения о развитии национальной и индивидуальной идентичности благодаря изучению его произведений.

Цель и задачи исследования. *Цель* исследования – на примере произведений Акутагавы Рюноскэ рассмотреть вопросы национальной идентичности японцев в начале XX века.

Цель определяет следующие *задачи* исследования:

- рассмотреть процесс формирования понятия «национальная идентичность» в Японии;
- определить, каким образом возможно проследить выражение индивидуальности и национальной идентичности в литературе;
- проанализировать творчество Акутагавы Рюноскэ;
- дать разностороннюю характеристику произведениям автора;
- раскрыть тему национальной идентификации в произведениях автора.

Объектом исследования выступает японская национальная идентичность.

Предмет исследования — проза Акутагавы Рюноскэ.

Научная новизна заключается в том, что проблема национальной идентичности рассматривается на основе массива произведений Акутагавы Рюноскэ, каждое из которых рассматривается с точки зрения главенствующей тематики в сочетании с исследованием вопроса о национальной идентичности.

Материал исследования. Материалом исследования послужили книги и статьи специалистов по культуре, истории и политике Японии, таких как В.А. Пронников, Т.П. Григорьева, Л.Д. Гришелева, Л.В. Астахова, В.Н. Горегляд, А.Н. Мещеряков, Н.И. Чегодарь и др., написанные на русском и английском языках, а также переводы художественной литературы на русский язык.

Практическая значимость полученных результатов. Исследование помогает расширить представления о произведениях Акутагавы Рюноскэ в аспекте выражения национальной идентичности.

Структура и объем работы. Настоящее исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников (38 позиций). Дипломный проект выполнен на 51 странице.

ГЛАВА 1

ЯПОНСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ЯПОНЦЕВ

Зарождение японской нации уходит корнями в глубь веков. Более десяти тысяч лет назад на японских островах начинает формироваться культура Дзёмон. Начиная с этого момента японская культура постепенно изменяется, реформируется, испытывает влияние культур материка – китайской и корейской, а в более поздний период и европейской. Тем не менее, Япония всегда сохраняла свои уникальные черты. Своеобразие географии и климата привело к тому, что японцы воспринимают природу как живое существо – так сложился культ синто. Подобное отношение к природе, в свою очередь, привело и к желанию выразить его через искусство. Несомненно, искусство является наиболее изящным и наглядным способом выразить национальный характер. И именно он находится в основе национальной самоидентификации японцев.

Для того чтобы лучше понять японский национальный характер, видится необходимым дать характеристику японскому государству с различных аспектов, включая исторический, политический, а также культурный.

1.1 Японский характер и японская национальная идентичность

Национальный характер – один из ключевых факторов, благодаря которому можно провести дифференциацию между различными нациями. В многообразии черт национального характера каждой нации можно вычленишь такие, которые сделают ее уникальной. Все это многообразие черт, разумеется, развивается в течение длительного историческо-культурного процесса, что также необходимо учитывать. Эти черты составляют основу национальной идентичности.

Впервые японская нация упоминается в китайских источниках – это I в. до н.э. Много позже, в начале VIII в. были составлены Кодзики и Нихонсёки – историко-мифологические сборники Японии. В них закрепились традиционная японская религия – синтоизм. Согласно ему, японцы происходят от Аматэрасу, главного божества японского синтоистского пантеона, а первый японский император Дзимму был ее непосредственным потомком. Это обуславливает чрезвычайную важность императора: принцип императорской власти нашел отражение в формировании японской идентичности, серьезно на нее повлияв.

Кроме того, в VI в. в Японию проник буддизм. Благодаря смешению с

местным синтоизмом, которое пропагандировали буддийские монахи (например, Кукай заявлял, что Амадэрасу является олицетворением Будды), буддизм видоизменился в нечто сугубо японское. В свою очередь, и сам буддизм проявил свое влияние на различные сферы жизни. Буддийский монах – это и наставник, и политик, и воин.

На японское самосознание повлияло и китайское конфуцианство, которое проникло в Японию вместе с заимствованием китайского языка. Так в японскую жизнь вошли и закрепились такие понятия как почтительность к старшим, безоговорочное повиновение низших высшим, а также детальная регламентация того, как должен себя вести тот или иной член социума. Лучше всего эти понятия выражает следующая фраза: *«Отношения между высшим и низшим подобны отношениям между ветром и травой: трава должна склониться, если подует ветер»* [27].

В эпоху Камакура появились самураи, позже они сформировали свой свод правил бусидо, ставшим эталоном воинского благородства. Когда это сословие было упразднено с началом эпохи Мэйдзи, кодекс бусидо не исчез. Японцы одобряли такие японские ценности, которые из него следовали, как безоговорочная преданность господину, решимость умереть за него, ритуал самоубийства сэппуку. Даже после проникновения в Японию иностранцев, японский национальный характер почти не поменялся, японцам все так же были присущи черты, которые они имели до открытия Японии: любовь к труду, дисциплинированность, согласие беспрекословно подчиняться, упорство, самообладание, неприхотливость касательно условий жизни и т. д. [8].

Исследователи-социологи выделяют следующие группы черт национального характера: этническая общность, группа, личность. В национальном характере японцев в качестве черт общетнического характера вычленяют такие черты, как любовь к труду, чувство прекрасного, любовь к природе, следование традициям, предрасположенность к заимствованию, склонность во всем опираться на свою культуру (этноцентризм), расчетливость в суждениях и действиях. Среди черт межгруппового взаимодействия ярко выражаются организованность, склонность опираться на авторитет, чувство долга. Черты на уровне личности – педантичность, любознательность, учтивость, выдержка, бережливость [27].

1.2 Роль историко-географического аспекта в формировании японского национального характера

Исторический и политический процесс на японских островах

непосредственно связан с особенностями географического расположения японского государства, так что имеет смысл рассматривать географический, исторический и политический аспект в тесной связи друг с другом. Географическое положение Японии обуславливает её обособленность от внешнего мира, что не могло не отразиться на формировании характера японской нации.

Конец XIX – начало XX вв. – это один из интереснейших периодов японской истории, когда страна, бывшая в изоляции от окружающего мира, наконец вынуждена активно с ним взаимодействовать. Подобная «встряска» неизбежно заденет разные сферы жизни, и для того чтобы выйти из подобного кризиса, необходимо время и приложение усилий.

1.2.1 Переход от Мэйдзи до Тайсё: трансформация японской национальной мысли

Японское государство в современном виде начало формироваться после начала эпохи Мэйдзи. Ядром нового государства стали самураи, а его главной идеей стала модернизация по западному образцу. Кроме того, в политическом смысле эта система была ориентирована на западный мир: она заимствовала не только технологии, но и институты.

У политической системы того периода было несколько характерных особенностей.

Первой особенностью является то, что политическая система не создавалась с нуля, она несла в себе старые японские ценности и формы, такие как принцип коллективизма и принцип патернализма. И в этом заключается одно из главных отличий Японии того времени от Западной Европы. В Западной Европе к этому времени все старые институты были уничтожены. А вот Япония, несмотря на то, что она крайне активно подражала Европе, заимствуя её опыт в различных сферах, причём делая это намеренно, всё же не стала отказываться от традиционных форм культуры, желая сохранить свою идентичность, чтобы противодействовать империалистическому нажиму Запада.

Второй особенностью можно назвать тот факт, что, хотя формально Япония заимствовала западные ценности и «проповедовала» национализм, образ действия Японии кардинальным образом отличался от Европы. В японском понимании нация являлась одной большой семьёй, во главе которой стоял общий для всех японцев «отец»-император. Такое понимание государственности можно назвать одним из наиболее ярких примеров

интеграции традиций японского и западного общества. Японцы ясно осознавали себя как отдельную нацию, но при этом нацию считали не обществом, состоящим из отдельных индивидов, а огромной семьей со своей собственной иерархией.

Из второй особенности вытекала третья – поскольку идеальным образцом семьи считалась такая семья, которая была бы совершенно свободна от всяческих конфликтов, неким гармоничным целым, то этот же идеал переносился на государство в целом – соответственно, и в государстве не должно и не могло быть никаких конфликтов. Такое государство-семья становилось аполитичным государством в плане того, что политические конфликты там просто-напросто не признавались. Предполагается, что когда в обществе назревает какой-либо конфликт, политика государства состоит в том, чтобы решить его мирным путем, к примеру, с помощью дебатов или голосования. И в западных государствах все происходило именно так. В японском государстве-семье же наоборот, такой конфликт подавлялся, либо скрывался и игнорировался, но на уровень политических дебатов не выходил.

Однако стремление японского государства подавлять конфликты не означало, что их не возникало или было меньше, чем в другие периоды японской истории. Эпоха Мэйдзи так же богата социальными протестами, как и другие временные отрезки. В 70-х XX в. возникает большое количество протестов против действий правительства. В 80-х начинается движение за права человека. Также был бунт аристократии.

Такому государству-семье, которое представляла из себя Япония, по форме правления из тех, что на тот момент могла предложить Европа, лучше всего подходила конституционная монархия..

Эпоха Мэйдзи началась в 1868 году, а конституция Мэйдзи была принята в 1889 году, что указывает на тот факт, что японскому обществу необходимо было время, чтобы прийти к созданию этой конституции. А вот первое заседание парламента прошло уже на следующий год после принятия конституции, к тому же японский парламента был первым парламентом в Азии.

Конституция 1889 года освещала государственный строй Японии с точки зрения конституционной монархии. В императоре воплощался дух государства-семьи. Для этой семьи император как бы выступал верховным правителем, если не сказать божеством. Он был отцом нации.

В конституции было прямо прописано, что император – это неприкосновенное создание, воплощение бога, и поэтому он должен быть почитаем всеми японцами из глубины их сердец. Однако несмотря на глубокое почитание со стороны граждан, император не правил, а только легитимировал

политическую систему. Император являлся краеугольным камнем, на котором строилась вся система. Реально правили совет старейшин, совет министров и важнейшие чиновники. Это давало достаточно большую гибкость системе, поскольку что бы ни случилось, император оставался неприкосновенным. Допустим, если бы произошла какая-то политическая катастрофа, в качестве наказания можно было распустить парламент и кабинет министров, а с императором бы ничего не случилось, и в дальнейшем он просто работал бы с новыми министрами и парламентом. С точки зрения европейской системы такой способ управления государством представляется анахронизмом, живой бог не может быть во главе государства. Однако для Японии это было более чем нормально, она была унитарным государством в плане того, что местное правительство полностью подчинялось центральному, и над всей этой политической системой господствовал принцип нэмаваси – коллегиальность и принятие решений в неформальной обстановке. Подавление любых конфликтов внутри системы являлось одним из столпов эпохи Мэйдзи.

И все же подобная система оказалась достаточно гибкой, чтобы с конца XIX века Япония походила на современное западное государство. Японская монархия была успешной в борьбе за господство. В это время Япония достигла успехов на региональной арене, особенно после японо-китайской (1894-1895) и русско-японской (1904-1905) войны. После этого страны признали роль Японии на дальнем Востоке [14][16][18].

После революционных преобразований эпохи Мэйдзи Япония оказалась в тупике, в который ее поставило желание сменить форму правления на демократическую. Для власть имущих возникла неожиданная опасность: они не могли позволить демократическим и либеральным идеям стать слишком популярными. Как итог, в конце эпохи Мэйдзи, которая начиналась под лозунгом «бунмэй кайка», то есть «просвещенная цивилизация», случилось обвинение известных активистов социализма в организации покушения на императора. Над ними было проведено закрытое судебное расследование, и в 1911 году 12 людей были казнены [32].

Такие действия правительства не могли не повлиять на общественные настроения. У либерально настроенных людей появились опасения насчет того, возможна ли демократизация при подобных условиях. Каваками Хадзимэ, профессор Киотского университета, анализируя это событие, пришел к выводу, что данный инцидент был вызван не желанием властей остановить насилие, а избавиться от тех, кто вступает в противоречие с высшими японскими ценностями. Поэтому не имело значения, что тот человек, которого объявили организатором заговора, не имел к нему отношения [21]. Что же в таком случае

выступает в качестве высшей японской ценности? Конечно же, это государство, на алтарь которого каждый человек должен быть готов принести все самое ценное, даже если дело касается собственной жизни.

В 10-е годы XX века, тем не менее, получила распространение так называемая «Демократия Тайсё». Научные деятели и интеллигенция не переставали интересоваться западными ценностями в плане личных и общественных свобод [24]. Эти ценности предполагали ориентацию на свое благополучие и признание прав человека. Если в эпоху Мэйдзи у человек превыше всего должен был быть долг и соблюдение правил, то в эпоху Тайсё люди стали задумываться о своей индивидуальности.

Однако к 30-м годам XX века в Японии растут националистические настроения. Происходят репрессии культурных и общественных деятелей, сначала тех, что придерживаются более радикальных взглядов, а потом и более лояльных. Официальная империалистическая идеология на время одерживает верх.

1.2.2 Внешняя политика Японии в начале XX века

Внешняя политика Японии в начале XX века подчинена цели консолидации политической и экономической мощи, что приводит к созданию японской колониальной империи.

В конце XIX в. Япония избавляется от неравноправных договоров, навязанных европейскими колониальными державами, а затем сама начинает выходить на первый план. В это время начинает формироваться так называемый японский региональный порядок, как ранее это было в Китае. Однако, в отличие от Китая, Япония находилась в гораздо более трудном положении. Ее экономика была зависима от внешнего мира как в плане экспорта, так и поставок сырья на японский рынок.

Причем зависима Япония была не только от стран своего региона. Кроме того, ей приходилось конкурировать с большим количеством стран. Первоначально это были европейские страны, а также Российская империя, затем и Соединенные Штаты Америки. Некоторые из японских конкурентов были намного сильнее и могущественнее, чем сама Япония, в плане имеющегося экономического и военного потенциала. В связи с этим не кажется удивительным тот факт, что чем дальше, тем больше она прибегала к насильственным методам, которые немного позднее привели к Второй мировой войне на Тихом океане. Это в очередной раз была агрессия в надежде, что США откажется от своего влияния в регионе. Однако подобная стратегия не

оправдала ожиданий, что привело к проигрышу Японии.

Почему же рухнул региональный порядок Японии? Дело в том, что Япония, воспринимая в качестве образца китайский региональный порядок, который являлся достаточно стабильной структурой и просуществовал около двух тысяч лет, попробовала повторить его опыт. Однако в отличие от Китая, у Японии было несколько меньше возможностей. Китай имел возможность доказать выгоду от своего миропорядка для других стран, поэтому к нему тянулись и благодаря этому система оставалась устойчива. Другими словами, можно сказать, что стабильные структуры не используют силу для утверждения своего авторитета, но тем не менее, у тех структур, которые претендуют на преобладание в какой-либо среде, должна быть возможность использовать свою силу тоже. Идеальный баланс достигается, когда структура может как устанавливать свой авторитет насильственными методами, так и при этом предоставлять участникам какую-то выгоду. Япония, которая на тот момент имела меньше возможностей, чем Китай, стремилась подчинить себе окружающие страны для того чтобы создать свое мощное индустриальное ядро, в силу чего ей время от времени приходилось игнорировать интересы других стран. Разумеется, это не служило на пользу укрепления порядка. Поэтому как только Япония потеряла возможность удерживать порядок своими силами, он рухнул [20].

Итак, историко-политическая жизнь страны в период конца XIX – начала XX вв. характеризуется стремительной модернизацией по западному образцу, попытками нарастить экономическую и военную мощь путем подчинения себе соседних стран, а также постепенным возрастанием национализма в качестве ответной реакции на активное внедрение в общество западных идей. От государственного строя, где самой главной целью было служение государственной идее, мировоззрение общества начинает меняться в сторону признания свободы личности, поиска своей индивидуальности. Другими словами, можно сказать, что конец XIX – начало XX вв. стали важной вехой в истории развития японской национальной идентичности. Столкнувшись с чужой культурой, японцы в большей степени, чем обычно, испытывали потребность в осознании того, что представляет собой их нация и какие пути дальнейшего развития она должна принять.

1.3 Духовная жизнь Японии в формировании японского национального характера

Столкнувшись с западной культурой после многолетней изоляции,

Япония обнаружила, что по сравнению с западной цивилизацией она неизбежно находится на несколько шагов позади. Это способствовало тому, что, начиная с эпохи Мэйдзи, Япония активно знакомится и заимствует достижения Запада в техническом, научном и культурном плане.

В эпоху Тайсё социальная жизнь претерпела серьезные изменения. Менялся её многовековой уклад: если раньше традиционной моделью являлось совместное проживание в течение нескольких поколений, то когда в Японию пришли западные веяния – в данном случае из США, которые в принципе стали примером для подражания у японцев, особенно у молодежи – поженившиеся пары стали селиться обособленно. Также все чаще на работу стали выходить женщины, что можно объяснить возникшим интересом к борьбе за женские права [6].

Повседневная жизнь в принципе перестает настолько сильно опираться на разграничение ролей в обществе по признаку пола. Психолог Ногами Тосио пишет в 1920 г. статью о современном обществе. Там он заявляет, что мужчины начинают уподобляться женщинам, а женщины – мужчинам. Если еще в эпоху Мэйдзи идеальная женщина представлялась как тихая и покорная хранительница семейного очага, то теперь над таким идеалом ставится знак вопроса [32].

Культурная жизнь активно развивается по различным направлениям. И, разумеется, одним из центральных вопросов, который стоит в то время перед обществом, это вопрос о японской идентичности. Стоит рассмотреть, как этот вопрос раскрывался в культурном и религиозном плане.

1.3.1 Культура Японии как отражение японского национального характера

В конце XIX – начале XX вв. японское искусство выражало собой тогдашнюю эпоху – то есть, ему был присущ дух противоречия. Во-первых, открытие Японии и её модернизация толкало на поиск новых методов и техник в искусстве, другими словами, благоприятствовало изучению западных. Во-вторых, с точки зрения государства, а также более консервативных деятелей культуры слепое копирование Запада вело к краху Японии как независимой страны, а также к потере японской индивидуальности в культурном и, в более широком смысле, духовном плане. Можно сказать, в то время, когда национальная идентичность стояла под ударом, всегда находились люди, которые стремились её отстоять и защитить [6].

Развитие искусства Японии в эпоху Тайсё – это результат действий по

обновлению Японии на западный манер, присущих эпохе Мэйдзи. Как и в других сферах жизни, начиная от промышленности и заканчивая духовно-нравственным развитием, Япония быстро скакнула вперед и достигла высот и на этом поприще. К началу эпохи Тайсё японские художники освоили живопись в европейском стиле (ёга).

В этот период в живописи Японии активно обращаются к импрессионизму и постимпрессионизму, необходимость в которых появилась после увлечения реализмом в прошлую эпоху. Японцы всё больше отправляются в Европу, чтобы изучить технику этих стилей. В первой половине 20-х годов XX века японцы выезжают за рубеж больше, чем в любое время до этого.

И речь не идет только о художниках. Накаи Сотаро, специалист по истории японского искусства, сравнил между собой японское и европейское искусство, и обнаружил, что и то, и другое несет в себе общие черты. Отображение духовного мира человека, а также любовь к природе – это то, что роднит два таких, казалось бы, неодинаковых направления [6].

Это заставляет задуматься о том, так ли обязательно категорическое противопоставление отображения реальности в художественных произведениях японских и западных авторов. Должны быть и универсальные черты, присущие им в одинаковой степени вне зависимости от того, какие культурные традиции повлияли на развитие их таланта.

Ростом тяги к индивидуальности можно объяснить развитие гравюры сосаку-ханга. Этот жанр вытекает из старинной гравюры укиё-э, но в отличие от последней, создатель гравюры выполняет всю работу целиком. Таким образом он может до конца воплотить в жизнь свою задумку. Кроме того, изменился стиль изображения сюжета: в нем явно видится европейский реализм. Стиль сосаку-ханга не получил широкого распространения в этот период, но он стал важным этапом для выражения художником своей идентичности.

В син-ханга, в отличие от сосаку-ханга, сохранилось разделение труда при производстве гравюры, однако европейские веяния проникли и сюда: художники стали особое внимание обращать на светотень и композицию [31]. Это не что иное, как попытка осмыслить традиционное японское искусство новыми способами.

Эпоху Мэйдзи можно охарактеризовать упадком традиционных искусств Японии, таких как чайная церемония *садо* и искусство аранжировки цветов *икэбана*. Причинами здесь являются и исторические факторы, такие как войны, в которых умерло большое количество японцев, и трудности в экономике,

которые возникли из-за подписания неравноправных договоров с Западом.

Желая вернуть школам искусств былую популярность, их главы предпринимали различные шаги по привлечению широких групп населения. Например, чтобы вернуть интерес к искусству аранжировки цветов икэбана, организовывались выставки знатоков своего дела. Привлекали к своим занятиям не только японцев, но и иностранцев – для этого в композиции стали добавлять цветы и материалы, которые до этого не использовались, например, голландские тюльпаны, сосуды из металла.

В искусстве чайной церемонии можно привести такие же примеры. Глава школы Омотэ Сэнкэ для возвращения интереса к своему искусству путешествовал по всей стране, проводя церемонии и объясняя смысл садо.

Глава Ура Сэнкэ, желая привлечь иностранцев, решил кардинальным способом изменить правила чайной церемонии, введя в обращение столы и стулья европейского образца, однако, несмотря на старания, подобные модификации не укоренились [7].

В XX веке начали возникать новые школы. Кроме того, в период Мэйдзи мастерам чайной церемонии пришлось разрешить проходить обучение на профессиональном уровне не только мужчинам, но и женщинам.

То же самое произошло и в искусстве икэбана. Более того, эти два предмета даже вошли в необходимый список изучения для учениц общеобразовательных учреждений [6].

К безусловным элементам японской духовной культуры относятся также боевые искусства, на чье развитие повлияли китайские боевые учения. Неверным, однако, будет утверждать, что японские искусства заимствованы из Китая. Японцы впитали в себя и переосмыслили эти учения. Кроме того, характерным различием является то, что философская мысль в Японии уделяла время и воинской культуре, тогда как в Китае считалось, что ученость и военное дело не сочетаются [19].

Так, японцы восприняли китайское учение о духовной энергии ци/ки. По нему ки – это сущность всего, что есть в этом мире, которая преобразовывается в инь и ян. Это учение дало начало боевой технике убийства и технике реанимации, так как ки циркулирует по телу, и зная, где находятся критически важные точки, можно воздействовать на организм [9].

На взаимоотношения внутри школы боевого искусства повлияло конфуцианство. Согласно конфуцианству, учителя обязаны слушаться все ученики и выказывать ему почтение во всех сферах жизни [19].

В период Мэйдзи изменяется положение и школ боевых искусств. Из-за отмены сословия самураев школы потеряли точку опоры. Военные реформы

заставили пересмотреть свое отношение к классическому искусству сражения, и оно стало восприниматься как неактуальное [25].

Повернул ситуацию к лучшему мастер боевых искусств по имени Кано Дзигоро. Он обратил внимание на духовный аспект боевых искусств, и оживил их, создав на классической основе новое боевое искусство дзюдо. Благодаря его усилиям японские боевые искусства, хоть и потеряли свои непосредственно боевые функции, но стали путем духовного самосовершенствования [7].

1.3.2 Традиционные верования Японии

Начиная примерно с VI века, когда в Японию проник буддизм, и по сегодняшний день, религиозная жизнь Японии представляет собой причудливое сочетание элементов традиционной японской религии синто и буддийских ритуалов, называемое религиозным синкретизмом. Объяснить мирное сосуществование двух религий можно следующим образом: синтоизм предполагает такой тип мышления, когда божественное естественным образом проникает в повседневную жизнь и перемешивается с ней, а буддизм культивирует терпимое отношение к другим религиям. Таким образом, переняв у материковой культуры учение буддизма, японцы ассимилировали его под себя и он прочно вошел в их жизнь.

После того, как Япония была открыта и туда хлынули европейские нововведения, сфера религии также подверглась изменениям. Ключевой трансформацией этого периода, касающегося религиозных воззрений общества, стала перемена отношения к синтоизму со стороны государства. Разумеется, практические изменения перемены этого отношения не заставили себя ждать.

Еще в начале Мэйдзи правительство решило сделать синто национально-государственной религией. Оно объявило о единстве церкви и государства. Когда оно к тому же создало отдел по делам синтоизма, синто окончательно укрепился в виде государственной религии. Буддизм наоборот впал в немилость: у храмов забирали земли и имущество, народ устраивал протесты против буддизма, священные предметы портили, иногда случались и разрушения храмов [12].

По всей стране избавлялись от синтоистских монахов, разделяющих ценности буддизма. Но даже при таком давлении со стороны государства буддизм продолжал жить, потому что за века развития на территории Японских островов он прочно укоренился в культуре. Через какое-то время буддийским монахам пришлось уступить давлению и принять новую государственную политику. Им снова разрешили вести деятельность, однако она должна была

быть регламентирована государством [26].

Объявленная Конституцией Японии 1889 г. свобода вероисповедания хотя и была по сути фикцией, но позволило «выжить» различным течениям буддизма, а также христианству. Для того чтобы свобода вероисповедания не противоречило тому, что синто теперь являлся государственной религией, правительство пошло на ухищрения. Синто как бы ставился выше всех остальных религий становился некоей над-религией, национальным культом. Таким образом, он мог быть совмещен с любым другим вероисповеданием. Конечно, самой сути синто это не поменяло, ведь он так же, как и буддизм, уходил корнями в древность и в повседневной жизни воспринимался как нечто само собой разумеющееся. Но вдобавок к этому он стал инструментом для угнетения других религий [11].

Нововведения на этом не закончились: в 1882 году святилища синтоизма разделили на две группы: государственные и сектантские. Первые пользовались поддержкой со стороны государства. Вторые ничего от него не получали. Таким образом, образовалось три вида синтоизма: государственный, сектантский и бытовой [12].

Синтоизм в быту – это всяческие народные верования и обряды. Какие-то из них универсальны по всей Японии, а какие-то относятся к одной или нескольким конкретным местностям. К примеру, божество сельского культа Инари. Кроме того, люди совершают магические ритуалы, используют амулеты, которые защищают от болезней, и поклоняются природным объектам. В сельской местности всегда можно было найти постройку, не относящуюся к «официальным» типам синтоизма, которая означала жилище защитника данного места [11].

К группе сектантского синтоизма отнесли 30 сект. На словах они пользовались независимостью, но на самом деле власть использовала их в своих интересах. В основном они пропагандировали среди населения любовь к японским национальным богам, особенно Аматэрасу, и, как следствие, ее потомку-императору.

Как и раньше, синтоизм заявлял о божественном происхождении императора, таким образом провозглашая верховенство японцев среди других наций. Таким образом, японцы должны были донести это до всего мира. Согласно этому мировоззрению, синто заключал в себе все остальные религии.

Агрессивная пропаганда идеи превосходства японской нации вела к тому, что общество заражалось националистическими настроениями. В случае будущей войны такая пропаганда могла стать отличным способом для духовного объединения населения.

Идеи синто распространялись через храм и школу. В конце XIX века вышел указ, по которому было запрещено проповедовать религию в любых школах. Но синто, как государственная над-религия, не был стеснен этими рамками, поскольку почитание императора и предков-богов считалось естественным положением вещей. Более того, это воспринималось как святой долг гражданина. Разумеется, в таком случае запрет на синто не распространялся.

Что касается христианства, правящим кругам оно было невыгодно, а потому неинтересно. Можно сказать, что на какое-то время о нем забыли. Однако спустя около пяти лет после революции, когда в Японию вернулась отправленная в западные страны дипломатическая миссия, запрет на христианство все же был снят. Дело в том, что миссия была отправлена, чтобы пересмотреть неравноправные договоры, заключенные с Японией, и наладить с ними связь. Оказалось, что на Западе очень трепетно относятся к своей религии. Видимо, это и поспособствовало снятию запрета, после чего Япония испытала наплыв миссионеров из разных стран. Они внесли ценный вклад в образование: составляли англо-японские словари, переводили Библию а также поспособствовали созданию христианского университета в Киото.

Также миссионеры вступали в контакты с бывшими самураями. Однако для того чтобы убедить самураев, которые имели образование, а в духовном плане были истинными японцами, в верности христианских доктрин, было необходимо изыскивать нетривиальные аргументы. Поэтому крайне важно было хорошо знать японский язык, а также понимать японский национальный характер, для чего, конечно, требовалось разобраться и в религии Японии, и в ее традиционном искусстве, и в истории. Что довольно логично, ведь чтобы наладить диалог и быть услышанным, нужно уметь слушать самому. Самое опасное в это деле – ударяться в крайности и использовать бескомпромиссный подход.

В начале эпохи Мэйдзи христианство было наиболее популярно, но и в тот период всего лишь около половины процента японцев его исповедовали. Ближе к концу века оно и вовсе потеряло возможность выбиться вперед. Лишь в сфере медицины и образования оно играло какую-то роль [12].

1.3.3 Литературный процесс в Японии конца XIX – начала XX вв.

Путь литературы начала XX века также был непрост. Японские писатели этого времени ищут в литературе новые смыслы и пытаются выразить через нее свою культурную идентичность.

Следуя за европейскими ценностями, японские авторы пытаются подчеркнуть важность личности, уникальность ее мышления и восприятия. Они осуждают притеснение природных склонностей человеческой природы, даже если они уродливы. Эмоциональный план в жизни человека выходит на первое место.

Таким образом, писатели начала XX века во главе угла ставят индивидуальное раскрытие человека. Они культивируют гуманистические ценности, обращают пристальное внимание на духовную и материальную сторону жизни. Среди литераторов-консерваторов такие взгляды поддержки не находят. Такие устремления называют распущенностью, а излишний материализм и вовсе считают грехом [32].

Возникают различные течения и группы. На наиболее ярких из них есть смысл остановиться поподробнее.

Известна была писательская группа «Сиракаба», возникшая в начале XX века. Они противопоставляли себя школе натуралистов. Их претензией являлось то, что натуралисты слишком нарочито изображают жизнь, что превращает текст в бездушное описание действительности без полета фантазии.

К группе относились выпускники Гакусюин – элитного учебного учреждения: Сига Наоя, Сатоми Тон, Мусякодзи Санэацу, Арисима Такэо. Их объединяли гуманистические мысли, они высоко ценили личную индивидуальность, кроме того, относились к искусству как к высшей ценности. Журнал «Сиракаба» был создан в 1910 году, их деятельность была положительно оценена Нацумэ Сосэки. Группа была заметным явлением среди деятелей культуры начала XX века. Они известны не только литературной, но и просветительской деятельностью – знакомили японских читателей с современным искусством Запада [38].

Из этой группы *Мусякодзи Санэацу* занимал самое высокое социальное положение – был сыном виконта. Он изучал в университете социологию, но вскоре посчитал, что учеба мешает его творческому развитию, и бросил ее, посвятив свое внимание литературной деятельности.

Мусякодзи полагал, что настоящее искусство заключается в том, чтобы достичь сердца людей, а не в том, чтобы описывать окружающую действительность. Он, как и другие участники журнала «Сиракаба», высоко ценил новый жанр «повесть о себе», в котором особое внимание уделялось раскрытию личности автора, вне зависимости от того, что эта личность собой представляет. Одним из его лучших романов считается «Дружба», который повествует о двух друзьях-писателях, влюбленных в одну девушку, и воспекает идеал любви. Основное внимание уделяется раскрытию эмоциональной

стороны жизни героев. Позже в его творчестве любовь к западным ценностям и идеалам уступает место национализму [37].

Сига Наоя родился в семье самураев; его отец позже занялся предпринимательством. У него рано умерла мать и отец женился снова. В школе Сига не был слишком усерден, его оставляли на второй год, и благодаря этому он познакомился с Мусякодзи Танэцу.

Постепенно Сига начал конфликтовать с отцом. Как и Мусякодзи, он бросает университет, чтобы заняться литературой. Одним из любимых рассказов, что он написал, Сига называет рассказ «Смерть матери и новая мать», который был написан всего за ночь. Со временем писатель мирится с отцом, и под вымышленными именами повествует об этом в рассказе «Примирение». Автор с вниманием описывает эмоциональные переживания героев, страдающих от своей импульсивности и гордости. Сига и дальше пишет автобиографические рассказы, раскрывая там сложности семейной жизни. Лучшим произведением автора считается роман «Путь во тьме ночи». В нем герой ищет свое «я», постепенно раскрывая свою сущность. Окружение же главного героя создано преимущественно для того, чтобы создать фон для верного понимания его характера. Упор в основном идет на внутренний мир персонажа [32].

Арисима Такэо уделял внимание проблемам социального неравенства. Он чувствовал вину перед людьми, которые были ниже по положению, чем он. В своем творчестве он задумывается о том, что человек может сделать только один выбор: жизнь духовная или материальная. Это значит, что у него нет возможности достигнуть гармонии. В рассказе «Потомок Каина» он описывает невыносимую жизнь, которая вынуждает человека проявить агрессию по отношению ко всему миру. Кроме того, писателя волнует развитие человека как творца, что он описывает в повести «Муки становления». Также он задумывается о положении женщины в романе «Эта женщина». Произведение пронизано мыслью о важности личностной свободы [36][4].

Сатоми Тон – младший брат Арисимы. Он также участвовал в жизни объединения «Сиракаба», однако его идеология не совсем ему соответствовала. Он любил творчество Идзуми Кёка, где все еще можно было увидеть следы литературы Эдо, что было далеко от понимания литературы «Сиракаба». Запутанными сюжетами и описанием мистических событий «Сиракаба» не увлекалась.

Сатоми много писал и быстро получил признание. Широко известен его роман «Роща павлоний». В нем смешаны любовные треугольники, убийство и мистика. В качестве основной идеи можно выделить эгоизм главного героя.

Из рассмотренных писателей группы «Сиракаба» Сатоми меньше остальных увлекался западными идеалами. Поэтому в своих работах он больше обращался к следованию за своими желаниями, а не раскрытию внутреннего мира [32].

В 20-е годы XX века развивается *пролетарская литература*. Начало ее развития можно отнести к созданию в 1921 г. журнала «Танэмаку хито». Кроме своей основной цели, журнал занимался развитием культуры и просветительством: в нем выходила литературная критика и рецензии. Касательно этой литературы поднимались два вопроса: во-первых, какова функция интеллигенции в этом направлении; во-вторых, вопрос о сущности самого этого движения. Яркими представителями этого направления являются Хаяма Ёсики, Хаяси Фусао и Куросима Дэндзи [10].

Нагаи Кафу является представителем литературного направления «*школа эстетов*». Эти авторы старались самоустраняться от активного взаимодействия с правящими кругами, как и представители «Сиракаба».

В литературном творчестве он антинатуралист. Он изображает быт современной ему Японии, его произведения наполнены лиризмом и грустью.

Нагаи Кафу долго пробыл за границей. Вернувшись обратно, он раскритиковал то, как в Японии на то время стремились повторять все западное. По мнению Нагаи, подобное слепое копирование не представляло собой никакой ценности. Властям это не понравилось, и часть его творчества подверглась цензурному запрету.

После драматических исторических событий 1911 года Нагаи «уходит в себя» в своем творчестве. Он считает, что не может быть радикальным обличителем современных нравов, и его удел – писать развлекательные истории. В своем творчестве он обращается к культуре Эдо, которой увлекался с юности, пишет по нему статьи. Также переводит творчество французских поэтов. Политическую жизнь страны он игнорирует [32].

Раннее творчество Танидзаки Дзюньитиро можно отнести к тому же направлению, что и Нагаи Кафу. В рассказе «Татуировка», принесшем автору известность, можно заметить тему садомазохизма, которая будет сопровождать его творчество и далее. Еще одна такая тема – обожествление пленительной женщины с властным характером, которая представляется идеалом женщины. Тема красоты также возникает в романе «Дзётаро» [29].

Представляет интерес литературная дискуссия Танидзаки и Акутагавы Рюноскэ. Танидзаки заявлял, что его не привлекает реалистическая манера написания, и что самое главное для него – это чтобы произведение имело интересный сюжет. Акутагава же заявлял, что задача писателя – создавать

«чистую литературу», не ставя сюжет во главу угла [13].

Интерес представляет также творчество *Абэ Дзиро*, известного своим «Дневником Сантаро». Писатель серьезно увлекался раскрытием темы своей идентичности. В отличие от «Сиракаба», его интересовало не общественное сознание, а внутренний мир человека. В «Дневнике Сантаро» автор поднимал философские темы осознания своего «я», непрерывно изменяющегося и оттого неуловимого. По его мнению, чтобы описать внутренний мир, нужно пользоваться всеми методами искусства, которые только есть в распоряжении.

Особое место в литературе начала XX в. занимает *Акутагава Рюноске*, чье творчество будет рассмотрено в следующей главе.

Подводя итоги раздела, скажем, что культурная жизнь Японии в конце XIX – начале XX вв. также характеризуется заимствованием и активным внедрением западных идей. Семейный уклад жизни меняется к созданию японцами нуклеарных семей. В религиозном плане примечательно то, что буддизм начинается подвергаться остракизму, тогда как японская национальная религия синто возводится в ранг государственной идеологии, превосходя сами религиозные рамки. Традиционные японские искусства, такие как чайная церемония, искусство аранжировки цветов икэбана, а также боевые искусства приходят в упадок и вынуждены искать альтернативные пути развития. Японские художники и писатели перенимают опыт западных коллег и создают сначала произведения-подражания западному стилю, а после и самобытные произведения, сочетающие в себе как западные техники, так и японский дух.

Итак, в первой главе мы рассмотрели особенности развития Японии в период Мэйдзи, когда Япония была открыта для проникновения культурных и общественно-политических идей Запада и активно заимствовала их, трансформируясь в новое государство, и в период Тайсё, когда эти идеи повлияли на привычный уклад жизни в стране и получили свое дальнейшее развитие.

Разумеется, Япония, как традиционное общество, столкнувшись с огромным внешним миром после своего открытия, была вынуждена бороться с рядом проблем. Эти проблемы носили и социальный, и экономический, и культурный характер. Даже несмотря на то, что Японии удалось интегрировать в свою культуру западные ценности (стоит вспомнить лозунг эпохи Мэйдзи «японский дух и западные знания») – как раньше происходило с ценностями китайской цивилизации – не приходится полагать, что это произошло быстро и безболезненно.

В политическом плане это развитие привело сначала к возникновению феномена так называемой «демократии Тайсё», когда в обществе возник подъем

либерального движения, однако позже в качестве ответной реакции на чрезмерное увлечения идеалами Запада стали нарастать националистские тенденции. С другой стороны, Японии необходимо было наращивать военно-экономическую мощь, чтобы на современном уровне соперничать с высокоразвитыми на тот момент державами Запада и США. Это привело к становлению Японии на путь империализма.

В культурной жизни Японии также происходили многочисленные изменения. Они касались и самого общественного уклада общества, и его религиозной жизни, и литературы, и традиционного японского искусства. Под воздействием Запада во все сферы жизни проникали новые идеи.

Другими словами, национальная идентификация японцев подверглась ударам в различных сферах общества. В такой ситуации у людей было только два пути: либо принять случившиеся изменения и приспособиться к новому восприятию и себя-индивидуума, и общества в целом; либо отказаться признавать какие-либо изменения и попытаться сохранить привычный уклад жизни. Во всех сферах – и культурной, и политической, и социальной – оставались консерваторы, которые не могли принять то, что Япония уже не та, что прежде. И всё же Япония не могла стоять на месте, и свежие идеи неизбежно проникали в неё, превращая её в страну нового образца, обладающую обновленной версией национальной идентичности.

ГЛАВА 2

ТВОРЧЕСТВО АКУТАГАВЫ РЮНОСКЭ В КОНТЕКСТЕ ЯПОНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

То, что среди выдающихся писателей XX века возник такой талант, как Акутагава – довольно закономерный, хотя от этого не менее удивительный феномен. В прошлой главе мы рассмотрели, какие трансформации претерпело японское общество начиная с Реставрации Мэйдзи, и, разумеется, изменения также касались литературных кругов. Литературное творчество Акутагавы Рюноскэ стало воплощением ваконъёсай, «японский дух и западные знания» – известного лозунга эпохи Мэйдзи. Кто, как не Акутагава, смог бы так изящно совместить новые творческие мысли, пришедшие с Запада, и японский национальный колорит, и создать уникальные литературные произведения?

Что же значило творчество Акутагавы для японского общества?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, пожалуй, нужно ещё раз вспомнить, в какое время жил писатель.

Это была весьма непростая эра. С одной стороны, Япония обновлялась и как никогда быстро впитывала новые веяния, которые потоком хлынули с Запада; с другой стороны, как никогда раньше четко японцы начали осознавать, какое место их страна занимает в мире – это лишь часть чего-то большего, и такую новую трактовку мировосприятия остается только принять. Творить в такой период тоже было нелегко. Первые два вопроса, которые вставали перед творцом, наверняка были таковы: «О чём я вообще пишу, кто я такой?», «Смогу ли я донести свою мысль до других?». В самом деле, творчество Акутагавы не всегда может получиться верно интерпретировать. Однако мы постараемся проанализировать его с точки зрения того информационного вихря, в котором оказался писатель, и того, какое влияние это окружение оказало на формирование его национальной идентичности.

Возможно, как раз из-за того, что ему выдалось жить в такое непростое время, Акутагава и сам писатель замысловатый и интересный. Его произведения можно перечитывать раз за разом и каждый раз находить что-то новое.

В тяжелое время, когда бесчисленные перемены сотрясали японское общество, люди также получали нравственную свободу. Это и обусловило развитие духовной жизни в Японии в начале XX в., в первую очередь подразумевается развитие искусства. Писатели, обретя неожиданную свободу, стремились изобразить то, что доселе им было неведомо. Но, как и бывает после кратковременной эйфории, наступило разочарование: общество, хоть и

избавилось от феодализма, но не избавилось от его проблем; более того, проблемы продолжали нарастать, как снежный ком. В таком положении нравственная свобода представлялась не более чем фикцией.

Однако, как бы там ни было, литература Японии в конце XIX – начале XX базировалась на поиске нового. Создавались новые течения и группы: одни пытались уподобиться западным авторам, другие, напротив, отвергали европеизацию, желая возвратиться к истокам японской словесности. Среди этого хаоса и возник Акутагава.

Он родился в 1892 году, а умер всего лишь в 35 лет, в 1927. Но за свою недолгую литературную карьеру (начавшуюся в 1914 году) он успел написать более 150 рассказов. Уже в раннем творчестве можно заметить направление творчества писателя.

Первый рассказ Акутагавы «Старик» был опубликован в литературном журнале «Синситё». На его примере можно проследить зарождение таланта писателя, который раскрылся в последующих произведениях.

Здесь Акутагава описывает печаль старика, который не может забыть о своей веселой молодости. Мы видим слабость людей, которые живут в иллюзиях о прошлом, не желая принимать настоящее. Внутренний мир старика как будто бы отзеркаливает перемены в общественном укладе, начиная с эпохи Мэйдзи. Как бы ужасны ни были старые времена, когда человек с ними свыкается, глубоко проникают в душу, вплетаются в подсознание и уже кажется, что они были здесь всегда.

В следующем году публикуется его новый рассказ «Расёмон», и это та вещь, которая сразу выделяет литературный талант Акутагавы среди многих других.

2.1 Индивидуальность творчества Акутагавы

Согласно задачам нашего исследования, нам необходимо определить, каким образом возможно проследить выражение индивидуальности и идентичности в литературе. Таким образом, для определения характерных индивидуальных черт творчества Акутагавы Рюноскэ был проведен идейно-тематический разбор его произведений. Это происходило следующим образом:

1) Чтобы рассмотреть его произведения подробнее, имеет смысл провести некую условную классификацию его работ, чтобы затем более детально рассмотреть каждую из групп произведений. В историческом аспекте мы посчитали обоснованным провести границу между рассказами о давних

временах и рассказами о современности писателя (XIX-XX вв.), а также выделить в отдельную группу рассказы, имеющие в своем составе заведомо фантастические элементы. Такое разделение мотивировано тем, что, с одной стороны, мы считаем необходимым дать характеристику разным сторонам творчества писателя, и, с другой стороны, тем, что размер данной работы не позволяет проводить слишком детальную классификацию;

2) В каждой из этих групп рассказов мы выбрали по несколько представителей творчества автора. В группу «рассказы о давних временах» были отнесены рассказы «Бататовая каша», «Расёмон», «Муки ада», «В чаше» и т.д. К группе «рассказы о современности» мы отнесли рассказы «Носовой платок», «Генерал», «Десятииеновая бумажка», «О-Рицу и ее дети» и другие. В группу рассказов, имеющих фантастические элементы, вошли такие рассказы как «Лошадиные ноги», «Нос», «В стране водяных», «Mensura Zoili» и т. д.;

3) В каждом из рассказов мы определили свою «говорящую» тему, с точки зрения которой и был произведен последующий анализ, чтобы продемонстрировать раскрытие глубокой социальной проблематики, внедренной Акутагавой в свои тексты.

Подводя итоги данному анализу, мы можем сделать следующие выводы:

1) каждая из трех рассмотренных групп ключевое место уделяет социальной проблематике. Несмотря на имеющиеся различия между текстами из разных групп, все им присуще художественно-философское размышление на тему того, что такое добро и зло, как нужно относиться к своим близким людям, друзьям, семье, что значит быть сильной и слабой личностью. Акутагава писал о проблемах общества и о проблемах индивидуума, которых продуцирует это общество.

2) в то же время каждая из рассмотренных групп имеет свои уникальные черты, что позволяет назвать выбранную классификацию имеющей право на существование:

а) Тексты о давних временах используют исторические декорации, чтобы приглушить остроту социальных проблем, что позволяет более открыто и художественно выражать через них авторские идеи. Несмотря на то, что время действия данных рассказов широко разбросаны по временной шкале, от эпохи Хэйан (794-1185) в рассказе «Расёмон» до первой половины XIX века в рассказе «Одержимый творчеством», все они используют исторические декорации лишь как фон для раскрытия действительно важного содержания: той идеи, которой автор посвятил свое произведение. Акутагава писал на те социальные темы, которые волновали его на тот момент. Когда автор помещает своих героев во времена прошлого, остросоциальные темы, которые он поднимает,

воспринимаются в несколько приглушенных тонах. Это уже не сатира на общество, не осуждение нравов, а скорее притча или даже сказка. Такой формат позволяет обсуждать актуальные темы более свободно. Автор не стеснен рамками эпохи или даже реальной жизни. Когда творческий уровень писателя растет, закономерно желание автора попробовать пойти более сложным путем и раскрыть современные проблемы в современном антураже.

В рассказе «Расёмон» автор поднимает тему зла и исследует, что толкает человека на преступление. Знаменитый рассказ «В чаше» увлекает своей загадкой, к которой так и хочется найти разгадку. Образ «маленького человека» и его жизненная драма раскрыт им в «Бататовой каше». Как творца, Акутагаву волнуют темы творческого поиска, в результате которого появляются рассказы «Муки ада» и «Одержимый творчеством». Тему христианства в Японии Акутагава поднимает в рассказах «Смерть христианина» и «О-Гин». Все эти рассказы проникнуты глубоким психологизмом. Автор то помогает своим героям найти душевный покой, то низвергает их в пучины отчаяния;

б) Тексты о современности автора уходят в сторону реализма, вызывая к своим персонажам наибольшее сочувствие, так как их драматизм раскрыт наиболее искусно. Если в рассказах о прошлом у Акутагавы можно проследить развитие вечных тем – о добре и зле, о правде, о вере, то в рассказах о современности Акутагава чаще обращается к чисто японской проблематике. К примеру, в рассказе «Носовой платок» поднимается тема кодекса чести бусидо. Рассказ «Генерал» выражает презрение к японскому милитаризму. Проблематика межличностных отношений показана в автобиографическом рассказе «Десятииеновая бумажка». Нравы японского общества раскрываются в произведении «Из записок Ясукичи», а в повести «О-Рицу и ее дети» вдобавок отражено японское понимание отношений между отцами и детьми. Раскрытие общечеловеческих черт также имеет место в прозе о современности: тема гордыни возникает в «Рассказе о том, как отвалилась голова», а в рассказе «Мандарины» автор отражает тему сочувствия к людям;

в) Рассказы с фантастическими элементами имеют в своем составе собственно фантастические элементы, которые позволяют взглянуть на ситуацию взглядом «а что если?..», причем это «если», в отличие от рассказов на темы о былых временах, предлагает не задуматься о жизнях людей из прошлого, или же, если угодно, задуматься о психологии современных людей в исторических декорациях, а совершить максимальный уход от реальности в сторону фантазии. Фантастические элементы в историях Акутагавы встречаются и в описании современного автору общества, таков, например, рассказ «Лошадиные ноги», раскрывающий тему семейных отношений между

мужем и женой; и при обращении к древности – таков, например, рассказ «Нос», в юмористической манере показывающий непостоянство человеческой природы. Также Акутагава писал произведения, помещая их героев в полностью фантастический мир – таков, например, мир богов в рассказах про Сусаноо, мир капп из «В стране водяных», страна Зоилия из «Mensura Zoili».

3) наиболее острые социальные проблемы поднимают тексты второй группы – то есть рассказы о событиях современности автора. Это неудивительно. Автор жил во время перемен, эти перемены нашли отражение в его творчестве. Если в рассказах о былых временах какие-то острые углы притупляются, или даже стираются вовсе, а в произведениях, использующих фантастические элементы, фокус может смещаться с проблематики на сами фантастические элементы (либо все произведение целиком воспринимается как сказка-вымысел), то реалистичные картины бытоописания концентрируют фокус на настоящем как оно есть, а значит, максимально пронзительно поднимают вопрос о национальной идентификации, который в начале XX века пронизывал все слои японского общества. Акутагава был писателем-гуманистом: он осуждал устаревшие античеловечные традиции, такие как кодекс бусидо, и в крайней степени негативно реагировал на проявления японского милитаризма, что нашло отражение в его произведениях.

2.2 Национальная идентичность в произведениях Акутагавы

Как же можно проследить художественное выражение идентичности в литературе? В первой главе мы выяснили, что среди черт национального характера социологи выделяют несколько групп: это черты, характерные для этнической общности целиком, черты, характерные для групп, и индивидуальные черты. В национальном характере японцев в качестве черт общенационального характера вычленяют такие черты, как любовь к труду, чувство прекрасного, любовь к природе, следование традициям, предрасположенность к заимствованию, склонность во всем опираться на свою культуру (этноцентризм), расчетливость в суждениях и действиях. Среди черт межгруппового взаимодействия ярко выражаются организованность, склонность опираться на авторитет, чувство долга. Черты на уровне личности – педантичность, любознательность, учтивость, выдержка, бережливость.

Чтобы проследить отражение национальной идентичности в прозе Акутагавы Рюноскэ, в дальнейшем исследовании попробуем проанализировать,

насколько эти черты выражены в его произведениях.

2.2.1 Общеэтнические японские черты в произведениях Акутагавы

Любовь к труду – одна из ключевых черт характера японца. Японцы – это та нация, которые действительно могут заниматься какой-либо деятельностью с утра до ночи, и при этом быть всецело отданными своему делу. У Акутагавы эта черта проявляется в различных произведениях и в различных сферах жизни человека.

Так, в рассказах *«Муки ада»* и *«Одержимый творчеством»* мы можем проследить раскрытия темы японского трудолюбия с точки зрения творческого человека. В *«Муках ада»* у вельможи по имени Хорикава при дворе есть художник, талантливый, но с ужасным характером. Хорикава дает художнику задание изобразить на ширмах сюжет *«Муки ада»*. Долгое время художник мучается, будучи не в состоянии изобразить то, чего не видел своими глазами. Он становится еще более невыносим для окружающих, мучает своих учеников, но ни на минуту не прекращает своей деятельности и творческого поиска. В этом занятии он страдает сам и заставляет страдать других. Но дойдя в своих творческих порывах до помешательства на искусстве, он уже не думает ни о чем другом; он использует предосудительные методы, чтобы изобразить свою задумку. В его мире остается место только для него самого и рисования.

В рассказе *«Одержимый творчеством»* продолжается раскрытие темы творческого трудолюбия, но в этот раз протагонистом выступает писатель. Он также не смыслит жизни без своего главного занятия, но мы видим его в тот момент, когда и заниматься своим делом он не может – нет вдохновения, и не заниматься не может тоже – это для него худший кошмар. Его вдруг посещают мысли о Смерти, той Смерти, где нет ничего злого, и нет тех мук творчества, которые уже долгое время его не покидают.

Мы видим творца, который не может реализовать свое стремление к трудолюбию, не может раскрыть свой потенциал – и для него нет наказания хуже. Он прислушивается к словам других людей, критикующих его, вспоминает неприятные для себя моменты – он не может оправдать свое бездействие. И только тогда, когда он снова обретает возможность заниматься своим делом, писатель обретает долгожданную свободу и счастье.

В истории *«Бататова каша»* черта склонность к труду показана с обыденной точки зрения: невзрачный главный герой, чиновник низшего ранга, характеризуется тем, что *«он с весьма давнего времени ежедневно и неутомимо*

отправляет одни и те же обязанности, всегда в одном и том же выцветшем суйкане и в одной и той же измятой шапке эбоси» [1, рассказ «Бататовая каша»]. Этот герой настолько неприметный, что даже имени его нигде не осталось. И по характеру он был такой же: его игнорировали даже подчиненные, не говоря о тех, кто был выше его по должности. Он вел себя тихо и не пытался ничего изменить. И все же, что бы ни случилось, он исправно исполняет свои обязанности, так как иной жизни просто не представляет.

Похожим образом склонность к труду выражается в рассказе «*Лошадиные ноги*». Так же, как и в «Бататовой каше», сам по себе герой ничем не примечателен, но примечательно его отношение к работе. И после смерти он не забывает о том, что он «*служащий японской компании «Мицубиси»*» [1, «Лошадиные ноги»]. И уж конечно, после чудесного воскрешения и неожиданного открытия, что его ноги теперь превратились в лошадиные, он продолжает исправно ходить на свою работу, как будто ровным счетом ничего не поменялось.

В повести «*О-Рицу и ее дети*» разговоры о работе пронизывают все повествование. Отец семейства имеет бизнес и все время говорит о работе. Складывается впечатление, что ничто другое его и не занимает. Таким же образом он воспитывает и сыновей: в пример младшему сыну он приводит старшего, который благодаря упорному труду смог поступить в университет, поэтому младший сын тоже должен усердно трудиться.

В рассказе «*Ком земли*» героиня о-Тами неутомимо трудится: не пытается найти помощи мужчины, она сама сажает овощи, сама жнет зерно, ухаживает за животными, не прекращает работать даже в дождь. Она проявляет истинно японское упорство в работе, и несмотря на то, что берет на себя мужские обязанности, исполняет их без проблем.

Неразрывно связаны у японцев **чувство прекрасного** и **любовь к природе**. В творчестве Акутагавы мы везде замечаем воплощение этого идеала в художественном тексте.

Эстетический принцип моно-но аварэ получает применение в рассказе Акутагавы «*Сусаноо-но-Микото на склоне лет*». Описание природы в тексте наполнено противоречивой созерцательностью, которая с одной стороны звучит жизнеутверждающе, а с другой выражает меланхолию. «*Опять волновали его и голоса ветра, и всплески моря, и сияние звезд на ночном небе*» <...> «*Иногда они выходили в дубовый лес, окружавший дворец, и, ступая по опавшим цветам дуба, слушали чарующее пение птиц*» [1, «Сусаноо-но-Микото на склоне лет»]. Здесь смешалась и тоска по былым временам, когда Сусаноо был суровым воином, и радость от спокойной жизни. Таков японский способ выражения

внутреннего состояния через описания природы.

В рассказе *«Как верил Бисэй»* эстетическое любование природой создает образ наивного влюбленного мужчины. Бисэй смотрит вокруг, смотрит на реку, на небо, прислушивается к окружающим звукам – все авторские описания проникнуты любовью к природе.

Но природа у японцев – это живое существо, и она может быть не только прекрасна, но и гневаться. В рассказе *«Расёмон»* мрачные образы природы отражают мрачную действительность: *«Дождь, окутывая ворота, надвигался издали с протяжным шуршанием. Сумерки опускали небо все ниже, и, если взглянуть вверх, казалось, что кровля ворот своим черепичным краем подпирает тяжелые темные тучи»* [1, «Расёмон»].

В рассказе *«Усмешка богов»* в противовес японской изящной природе выделяется совсем непохожее на нее зрелище: *«В саду между соснами и кипарисовиками были посажены розы, оливы, лавр и другие европейские растения. От распускающихся роз в слабом лунном свете, струившемся между деревьями, растекался сладковатый аромат. Это придавало тишине сада какое-то совсем не японское странное очарование»* [1, «Усмешка богов»].

Склонность к заимствованию и переосмыслению старого мы можем заметить в деятельности писателя. Например, переосмысливая сюжеты *«Стародавних повестей»* – средневекового японского сборника рассказов, он пишет рассказы *«Расёмон»*, *«В чаще»*, *«Бататовая каша»*, *«Нос»*, *«Барсук»*, *«Счастье»*, *«Барышня Рокуномия»*. Повесть *«Муки ада»* является переосмыслением рассказа из сборника *«Рассказы, подслушанные в Удзи»*, а рассказ *«Кэса и Морито»* – переосмысление средневекового военного романа *«История расцвета и падения Тайра и Минамото»* [1].

Интересна трансформация рассказа *«Ду Цзычунь»*, принадлежащая перу китайского писателя Ли Фуянь в переосмыслении Акутагава. В оригинале Ду Цзычунь встречается старца трижды: два раза он тратит все деньги, которые старец ему дал, однако на третий, поклявшись страшной клятвой, он наконец сохраняет богатство и помогает родственникам. После этого старец раскрывает ему секрет бессмертия. Ду Цзычунь Акутагавы после второй неудачной попытки распорядиться богатством просит взять себя в ученики. И если в оригинальной истории герой, подвергшись испытаниям, не может терпеть, когда на его глазах убивают его ребенка, то в версии Акутагавы герой бросается на защиту своих родителей. Так и должно быть, считает Акутагава: *«Если б ты промолчал, знай, я бы убил тебя на месте!»* [1, «Ду Цзычунь»] – слова старца не оставляют сомнений о том, что жизнь родителей для сына должна быть важнее его желаний.

Рассказы Акутагавы «*Нос*» и «*Бататовая каша*» были вдохновлены повестями Гоголя «*Нос*» и «*Шинель*» соответственно. Но Акутагава пишет про японцев и для японцев, поэтому коллежский ассесор у него становится монахом, а титулярный советник – чиновником мелкого ранга *гои*. Место действия переносится из Санкт-Петербурга в первом случае в Икэноо, во втором в Киото.

Рассказ «*Паутинка*» – переосмысление короткой легенды из «Братьев Карамазовых» Достоевского, построенное аналогичным предыдущим текстам образом. Если в притче о луковке фигурируют христианские мотивы: женщине пытается помочь ангел-хранитель и бог – то Акутагава использует более традиционные для Японии буддийские мотивы.

В рассказе «*Бессмертный мудрец*» Акутагава использует для создания сюжета китайский фольклор. Собеседник главного героя является *даосом* – китайским отшельником, стремящимся к духовному развитию с целью познания своей изначальной природы.

В конце истории «*Винные черви*» автор сам то ли в шутку, то ли всерьез заявляет: «*Я всего лишь привел эти нравоучительные суждения, подражая дидактической манере китайского сочинителя*» [24, «Винные черви»].

В рассказе «*Дзюриано Китискэ*» показана трансформация христианской веры: как она выглядит глазами японцев. Божествами этой религии являются Эсу Киристо в лиловом офурисодэ и принцесса Санта-Мария в каидори, расшитом золотом и серебром.

В рассказе «*Усмешка богов*» европейский священник говорит о вере и о японцах с одним из японских богов. Тот предупреждает его: в Японию из других стран пришел не только христианский бог, но и Конфуций, и Мэн-цзы, и Чжуан-цзы, и много других мыслителей. Из Индии явился царевич Сиддхарта. В Японию пришли новые вещи. Кроме того, еще Япония получила возможность ознакомиться с иероглифической письменностью. Но ничто из этого не помогло подчинить Японию – наоборот, это она подчинила и трансформировала эти вещи как сама то понимала. «*Когда был введен знак «лодка», «фунэ» всегда оставалось «фунэ»*» [1, «Усмешка богов»]. Такова сила защиты японских богов.

«Все идущее из Китая и Индии ведь стало нашим. И все идущее с Запада тоже им станет. Мы живем в деревьях. Мы живем в мелких речонках. Мы живем в ветерке, пролетающем над розами. В вечернем свете, упавшем на стену храма. Везде и всегда» [1, «Усмешка богов»].

Японский **традиционализм** и **этноцентризм** происходят от обособленности японской нации с точки зрения географического положения. У японцев сложились свои традиции и они продолжают им следовать и по сей

день. В художественных произведениях эти традиции также проявляются естественным образом.

Главный герой рассказа *«Бессмертный мудрец»* в тяготах жизни отдает себя на волю судьбе: *«Однако при всем этом Ли, как любого восточного человека, совершенно не смущала необходимость все же подчиняться судьбе»*. Это проявление японского фатализма. *«Потерпите. Я же терплю и холод, и голод. Считайте, что раз живы — должны страдать»* [24, «Бессмертный мудрец»].

Герой рассказа *«Сомнение»* ломает устоявшиеся правила: когда его приглашают провести лекции по этике в префектуре Гифу, он сразу предупреждает, что от традиционных собраний, банкетов, походов по достопримечательностям и тому подобным мероприятиям, не несущих практического смысла, он желает отказаться. При этом он живет в традиционной японской комнате в уединении от других людей: комната была размером в восемь татами, с поблекшими фусума и сёдзи. В сочетании с токонома, навевавшей мрачные мысли, и таинственным какэмоно, комната напоминала монастырскую келью.

В рассказе *«Усмешка богов»* героя-европейца посещает странное видение. Он приехал в Японию проповедовать христианскую веру, но он знает, что внутри страны таится сила: и горы, и реки содержат духов, не видимых человеком. Он просит бога о помощи, но вместо этого его глазам предстает традиционная японская сцена о выманивании Аматэрасу из грота, где она затворилась, обидевшись на Сусаноо. Он видит толпу мужчин и женщин с яшмовыми ожерельями вокруг шеи. Эти японцы в древних японских одеждах пьют и наблюдают, как одна из женщин (Амэ-но Удзумэ) пляшет на бадье. Эта картина герою внушает ужас.

В рассказе *«Чистота о-Томи»* японское правительство собирается подавлять мятеж, устроенный самураями, недовольными революцией Мэйдзи. Они предупреждают, что гражданские, проживающие в районе Уэно, должны срочно эвакуироваться оттуда. Все уходят, и в одном из домов остается лишь кот да бродяга, который случайно туда забрел. В его словах проявляется типичное японское следование судьбе: *«Мы с тобой старые знакомые. Но сегодня мы распрощаемся. Завтра и для тебя злой день, и я, может быть, завтра умру»* [1, «Чистота о-Томи»].

В рассказе *«Ком земли»* мы видим проявление японских традиций в том, что свекровь, у которой умер сын, хочет заново выдать замуж свою невестку, потому что в представлении сельских жителей без мужа будущего нет, а еще она очень боится того, что же скажут люди о том, что невестка сама выполняет

мужскую работу.

Воровство в Японии каралось смертной казнью. В *«Повести об отплате за добро»* один из героев, Ясабуру, готов бесстрашно отдать свою жизнь, чтобы отплатить знаменитому вору, Амакава Дзиннаю, за то, что тот помог его отцу справиться с разорением. Для этого он проникает в императорский дворец и выдает себя за Амакава.

Рассказы *«Сусаноо-но Микото»* и *«Сусаноо-но Микото на склоне лет»* основаны на мифах из японских мифологических сборников VIII века *«Кодзики»* и *«Нихонсёки»*. Что же отличает их от записанных древними японцами мифов? Конечно же, живость повествования и приближенность персонажей к реальным людям.

У них другая психология. В мифах Сусаноо – грозная разрушительная сила, не человек, а персонификация стихии, которая не может и не должна быть воспринята, как единая индивидуальная личность.

Сусаноо Акутагавы сохраняет внешнюю «оболочку» мифологического Сусаноо, но при этом он наделяется чертами живого человека, который испытывает эмоции: гнев, радость, печаль, интерес, презрение.

В тексте *«Из «Слов пигмея»»* автор рассуждает о японских традициях. Он говорит о свободном выборе судьбы и фатализме: *«если верить в рок, преступления не существует, а значит, теряется смысл наказания»*. [1, *«Из «Слов пигмея»»*] Он говорит, что все должно находиться в равновесии, а идеалом зовет принципе тьюё – золотую середину, другими словами, здравый смысл. Это идет вразрез с традиционной японской покорностью судьбе. Так же он иронизирует и над самой японской нацией: полагает, что верить, будто японцы в течение двух тысяч лет почтительны по отношению к императору и своим родителям – это так же глупо, как считать, что один из богов синтоизма, который имел уродливую внешность (Сарутахико-но микото) пользовался косметическими средствами, чтобы это скрыть.

В рассказе *«Обезьяна»* герой повествует о традиционном обычае японских моряков на военных кораблях. Если вдруг оказывается так, что у кого-то что-то украли, то украденное зачастую возвращается обратно. А вот тот, кто это сделал, кончает жизнь самоубийством, чтобы не отвечать за свой проступок. Лишь изредка удается их спасти.

Однако ярый национализм, переходящий в милитаризм, а также приверженность устаревшему кодексу бусидо Акутагава осуждал. Примером может служить эпизод из рассказа *«Генерал»*. В штабе армии устраивают спектакль для солдат. Спектакль кажется генералу вульгарным и он требует прекратить. Следующая пьеса рассказывает старинный сюжет, но и её тоже

генерал требует остановить. Наконец начинается еще одна пьеса, про поимку вооруженного разбойника. Полицейскому удастся его поймать, но сам он при этом смертельно ранен. Такая пьеса приходится генералу по вкусу. *«Генералу Н. нелегко: он и командующий армией, он и цензор»*, – высмеивает автор генерала словами одного из офицеров [1, «Генерал»].

Деловой подход к вещам, во-первых, способствует высказыванию своих мыслей с высоким уровнем конкретики, во-вторых, побуждает использовать предыдущий опыт для решения возникающих проблем. Подобный тип восприятия также находит отражение в характерах героев из рассказов Акутагавы.

В повести *«В стране водяных»* Акутагава высмеивает типичный японский прагматизм. В стране капп все время изобретаются новые технологии. Это значит, что требуется меньше работников, и каждый год увольняются десятки тысяч работников. Неожиданно для себя главный герой узнает, что уволенных работников просто съедают. Таким образом государство заботится о том, чтобы жители не умирали от голода и не совершали суицида.

В рассказе *«Винные черви»* Акутагава поэтически описывает окружающую среду, и даже в этом описании, состоящем из эстетического любования природой, просматриваются черты конкретного мышления, когда для описания чего-то нового (состояния природы) используется то, что уже известно: *«В небе, мутном от влажной духоты, плавают мелкие, не сулящие тени облака, точно кусочки рисовых лепешек на сковороде»* [24, «Винные черви»].

В рассказе *«Сомнение»* героя поздно вечером навещает неожиданный гость. Он извиняется за вторжение, однако считает при этом, что поступил как следует, ведь *«имея к сэнсэю почтительную просьбу, я решился на нарушение приличий и позволил себе прийти»* [1, «Сомнение»]. Это чисто японский прагматичный подход к делу: чтобы добиться разрешения проблемы, нужно предпринимать конкретные действия.

Интересно проявляется японское стремление к рационализации в рассказе *«Холод»*. Герой идет мимо переезда и видит, что там толпится народ. Это не может не возбудить его любопытство. Оказывается, что сторож переезда, спасая девочку из-под поезда, сам под него попал. Он видит труп сторожа, видит, как он крови, оставшейся на рельсах, поднимается вверх пар. И тут же стремится объяснить увиденную картину, оставившую глубокое впечатление, с точки зрения своего прошлого опыта: он вспоминает, как коллега рассказывал ему про закон теплообмена, о том, что жизненное тепло, которое было в крови у того сторожа, обязательно перейдет в рельсы. Таков закон передачи жизни.

В рассказе «*Зубчатые колеса*» снова видим японское стремление встроить в свою картину мира прошлый опыт и объяснить с его точки зрения что-то еще. Это юмористический, но говорящий эпизод: герой слушает специалиста по Китаю, и сам начинает рассказывать про китайских животных из легенд – феникса и единорога. Затем герой замечает ползущего червяка и ему вспоминается английский вариант его названия. «*Это слово, несомненно, тоже означала легендарное животное вроде единорога или феникса*» [1, «*Зубчатые колеса*»].

2.2 Японские черты межгруппового взаимодействия в произведениях Акутагавы

Группой можно назвать такую общность людей, которые связаны друг с другом каким-либо признаком: это может быть возраст, сфера деятельности, пол и т.п. Что касается социальной психологии, то с точки зрения ее понятий эти люди должны осознавать, что они принадлежат данной группе, при этом степень осознанности в зависимости от индивидуума может варьироваться [3]. Другими словами, группу в данном случае можно характеризовать как микросоциум, где довольно-таки яркие проявления свойственны различным и более-менее конкретным групповым чертам. Такая вещь характерна для различных наций, но Япония характеризуется высокой степенью сплоченности группы.

Для японского межгруппового взаимодействия свойственны такие черты, как организованность, склонность опираться на авторитет, чувство долга.

Организованность и **дисциплинированность** находит различные проявления в текстах Акутагавы. В рассказе «*Бататовая каша*» мы видим, как беспрекословно и слаженно подчиненные самурая выполняют его приказы: встречают господина после долгой дороги, развлекают его удивительными рассказами, мгновенно принимаются готовить нужные блюда.

Не обходит стороной писатель и такое качество японской нации, как **склонность опираться на авторитет**.

В рассказе «*Носовой платок*» главный герой – профессор юридического факультета. Он читает западную книгу по драматургии. Автор книги описывает и критикует различные приёмы игры. Акутагава иронически отзывается о кругозоре героя: профессор совсем не подкован в подобных вопросах, а значит, и сложившегося мнения на этот счёт у него нет. Так что ему ничего не остается, кроме как опираться на авторитет автора книги, считая его объективной

истиной.

В рассказе «Десятишениновая бумажка» авторитетное для героя мнение, на которое он склонен опираться, имеет его школьный коллега Авано-сан. Герой Ясукути искренне восхищается его талантом в области лингвистики. Авано-сан – человек не только талантливый, но и великодушный. Он с охотой помогает Ясукути, когда у того возникают проблемы с английским языком. Кроме того, узнав, что у Ясукути трудности с деньгами, Авано-сан с готовностью откликается на его жалобы и хочет помочь. Однако здесь в конфликт вступают японское нежелание терять лицо перед авторитетным человеком и дружеские к нему чувства. Ясукути не готов принять его помощь. Наоборот, он жалеет, что вообще завел разговор на эту тему. Затем возникает и третий компонент – нежелание признавать авторитет. Герой склонен заниматься самообманом, ему проще признать, что Авано-сан для него посторонний человек, чем сказать, что ему хочется, чтобы о нем думали хорошо.

В рассказе «Генерал» рядовые из армии опираются на авторитет генерала – встреча с ним вселяет в них боевой дух. Генерал-майор Накамура, вспоминая генерала Н. спустя много лет, продолжает считать его эталоном воинской доблести. С возмущением он перебивает сына, который позволяет себе усомниться в поступках генерала: «Его превосходительство не обыватель. Он до глубины души искренний человек» [1, «Генерал»].

В рассказе «Сусаноо-но-микото на склоне лет» авторитетом, на который опираются герои, является сам Сусаноо. На остров, где Сусаноо жил с дочерью Сусэри-химэ, приплыл юноша. Увидев, что он влюбился в его дочь, Сусаноо устраивает ему смертельные испытания. Ни юноша, ни дочь не могут ему перечить.

Чувство долга сильно выражено в произведениях Акутагавы.

Рассказ «О-Гин» поднимает тему отречения от христианства ради семьи. Девушка по имени О-Гин и ее приемные родители исповедовали запрещенное в то время (первая половина XVII в.) христианство. Их поймали и перед смертью предложили отказаться от учения, и тогда их сразу отпустят. Неожиданно О-Гин заявляет, что она отказывается от своей веры, и на непонимание приемных родителей с рыданиями объясняет, что её родные родители никогда не знали учения Христа, значит, они попадут в ад, и она, как дочь, должна последовать за ними. Растрогавшись её решимостью, приемные мать и отец отказываются от веры тоже.

В рассказе «Смерть христианина» герой Лоренцо, как христианин, считает своим долгом помочь близким даже ценой своей жизни, поэтому он спасает от пожара девочку, даже несмотря на то, что его несправедливо

обвинили и несмотря на то, что живым из огня он не выйдет.

В рассказе «*Мандарины*» также присутствует тема долга: это долг заботиться о своей семье; это понятное всем японцам чувство сближает рассказчика истории и девочку-пассажирку. Раньше она его раздражала, а теперь у него возникает какое-то странное светлое чувство, которое на время помогает забыть ему о той тоске, которую он испытывал до этого.

В рассказе «*Кэса и Морито*» Морито мучается от долга, который взвалил на себя сам. Он любил Кэсу, и в момент минутной слабости дал ей клятву убить ее мужа. Теперь он не может взять свои слова назад, хотя и не испытывает ненависти к этому мужчине. «*Что это за великая сила, которая гонит меня, такого труса, на убийство безвинного? Не знаю*» [2, «Кэса и Морито»]. Чувство долга, свойственное японцам, не позволяет ему нарушить клятву.

В рассказе «*Подкидыш*» раскрывается тема детей, брошенных своими родителями. Покинутого ребенка взяли на воспитание в храм Сингёдзи, пока его не забрала мать, мучившаяся совестью. Однако впоследствии оказалось, что та женщина всё же не была настоящей матерью ребенка: возможно, она так прониклась проповедью настоятеля, что решила взять на себя родительский долг взамен его настоящих родителей.

2.3 Отражение обыденно-жизненных черт японцев в произведениях Акутагавы

Как уже упоминалось, к японским национальным чертам на уровне личности относят педантичность, любознательность, учтивость, выдержку, бережливость. Эти черты проявляются по-разному в различных градациях. В японской культуре очень важными чертами считаются хладнокровие, невозмутимость – неотъемлемые атрибуты воина. Это пошло от буддизма, где как важные качества расценивают умение терпеть и отказываться от мирских благ.

Вежливость и **учтивость** пронизывают весь японский быт. Это также одна из ключевых черт японского национального характера. Что бы японец ни делал, это качество внедрено в него на подсознательном уровне. Во всех сферах жизни можно заметить печать вежливости, сопутствующую японцам. Следуя конфуцианским традициям, эта черта проявляется от младшего к старшему, от низшего по положению к высшему.

В рассказе «*В чаще*» героиня Масаго говорит разбойнику, что ее изнасиловал: «*Или вы умрете, или мой муж... кто-нибудь из вас двоих должен умереть...*», т. е. даже в такой ситуации она обращается к нему учтиво, что

отражает более низкое положение женщины по сравнению с мужчиной, а также демонстрирует особенности японской женской речи – она более вежливая по сравнению с мужской [1, «В чаще»]. Так же учтиво она разговаривает со своим мужем. Аналогичная ситуация в рассказе «*Лошадиные ноги*» – там супруга героя также обращается к нему на «вы».

В рассказе «*Сомнение*» герой не может отказать таинственному гостю в том, чтобы выслушать его историю, хоть тот и нарушил его покой в позднее время, когда тот уже отдыхает: ведь гость учтиво сообщает герою, что даже если тот просто его выслушает, то это уже облегчит гостю жизнь, полную мучений.

В рассказе «*Бататовая каша*» гои, что беднее и ниже по статусу, чем самурай из рода Фудзивара, разговаривает с ним учтиво и где-то даже заискивающе: не может ему перечить и лишь в мыслях может представлять, как он бы покинул его общество, если бы не обстоятельства.

В рассказе «*Одержимый творчеством*» писатель против воли выслушивает своего поклонника, который сразу же после неожиданной встречи начинает делиться впечатлениями о прочитанном. Бакин слушает его, но не в силах не думать о том, что он одновременно испытывает к тому добрые чувства, но также и презирает его. Так же он презирает и сочинение стихов танка и хокку, о которых говорит почитатель – ведь такой формат не может вместить в себя его талант.

Японская учтивость, которая предписывает общаться с людьми уважительно вне зависимости от того, нравится слушающему то, что ему говорят, или нет, не позволяет писателю прервать своего поклонника и сказать что он не желает слушать это все. Почитатель даже не осознаёт, какие мысли в это время наполняют голову Бакина; он вовсе не замечает, что происходит с творцом внутри. Он даже воспринимает слова Бакина о том, что тот не пишет хокку, как то, что у того нет способностей к их написанию, что раздражает писателя, потому что тот имел в виду совсем не это, но все та же учтивость не позволяет ему грубо поправить собеседника.

Позже Бакин слышит, как его начинают ругать, обвиняя в том, что его произведение – это всего лишь переделка «Речных заводов». Его обвиняют во многом: что он пишет о старых временах вместо того, чтобы писать о современности; в многословии; в том, что его герои не похожи на живых людей. Критика ранит Бакина, но и здесь он не помышляет о том, чтобы вмешаться ради защиты своей чести – это было бы крайне невежливо.

В рассказе «*Десятишениновая бумажка*» герой случайно проговаривается, что нуждается в деньгах, но когда ему предлагают деньги, спешно отказывается,

испугавшись, что позволил себе лишнего, когда открыто начал жаловаться на свои проблемы. Немного позже, обдумав этот разговор, Ясукити снова жалеет: в этот раз из-за того, что отверг предложение Авано-сан и, должно быть, обидел его этим. Поэтому, переборов смущение, он теперь уже сам просит Авано-сана дать ему в долг те десять иен, которые он предлагал ранее, дабы компенсировать свою предыдущую невежливость по отношению к нему.

В рассказе «*Нос*» мы видим учтивость ученика по отношению к учителю. Благодаря ученику отыскивается средство, как уменьшить огромный нос монаха, из-за которого тот очень сильно страдает. Монах ради сохранения внешних приличий притворяется, что его это не интересует, однако делает намек, что беспокоить ученика из-за своего носа ему крайне затруднительно. Как почтительный ученик, тот ничего не говорит об этой маленькой хитрости монаха и, как и желает того учитель, уговаривает его попробовать средство.

В рассказе «*Зубчатые колеса*» видим проявление японской вежливости в общении со знакомыми. Герой едет на банкет по поводу свадьбы к своему приятелю и беспокоится, что опаздывает. Его знакомый донимает его глупыми разговорами, которые героя не интересуют, однако из вежливости он переспрашивает знакомого, что тот имеет в виду.

Вежливость и учтивость, свойственная японскому менталитету, в рассказе «*Винные черви*» принимает иронический тон: «Здесь следует отметить, что Лю вообще-то не славился особым гостеприимством. Однако, если у него сидел гость и в это время докладывали о приходе какого-нибудь посетителя, он, как правило, оказывал ему сердечный прием. Дело в том, что из какого-то глупого тщеславия ему было приятно продемонстрировать пришедшему, какой он радушный хозяин» [24, «Винные черви»].

Стремление к **педантичности**, к **чистоте** – также общенациональный эталон японцев.

Именно поэтому так явственно в рассказе «*Мандарины*» проявляется негатив к неряшливости, грязи: «Это была настоящая деревенская девочка: <...> рябоватые, потрескавшиеся щеки были так багрово обожжены, что даже производили неприятное впечатление. На ее коленях, куда небрежно свисал замызганный зеленый шерстяной шарф, лежал большой узел. <...> Мне не понравилось мужицкое лицо этой девочки. Кроме того, мне было неприятно, что она грязно одета» [1, «Мандарины»].

В рассказе «*Чистота о-Томи*» также выражается японское стремление к педантичности. Все жители из-за опасности боевых действий между правительством и мятежниками покинули дом, и в нем остался только кот. Однако хозяйка требует кота забрать тоже: ведь нужно быть уверенными, что

его не убьют в суматохе.

В японском менталитете сильны идеи *самоограничения, выдержки*.

В рассказе «*Бессмертный мудрец*» герой разговорился со случайным собеседником, рассказывая ему о своем занятии – он дает представления мышинового театра – а затем корит себя за несдержанность: «*Наверное, старец принял мои слова с недоверием. Лучше бы мне было помалкивать и не болтать попусту*» [24, «Бессмертный мудрец»].

В рассказе «*Носовой платок*» показывается стойкость матери, у которой умер сын, и она пришла сообщить об этом его профессору. Она говорила спокойно, и ничто в её внешнем виде не выдавало её горя. Профессор вспоминает, что когда он учился в Берлине, его удивляла эмоциональность европейцев, а теперь он наоборот удивляется тому, как спокойна мать умершего сына.

Затем, когда он наклоняется поднять упавший веер, он видит, что женщина комкает в руках платок, и её руки дрожат. Тогда на него снисходит озарение: на самом деле женщина вовсе не спокойна, а лишь старается держать лицо. В этом ее поведении профессор видит идеальное следование духу бусидо. Он восхищается ее стойкостью.

В рассказе «*Мандарины*» также можно увидеть японскую выдержку на бытовом уровне. Герой едет в поезде, погруженный в свои проблемы, он недоволен жизнью; и тут в вагон забежала деревенская девочка. Она усаживается напротив героя, он замечает что у нее в руках билет третьего класса, тогда как он едет вторым. После этого его начинает раздражать в ней совершенно всё: и её одежда, и её внешний вид, а особенно непонимание того, что она зашла в неправильный вагон. Со временем раздражение только усиливается, поезд въезжает в туннель, а девочка поднимается с места и пытается открыть окно, которое специально закрыто. Когда ей это удастся, в вагон проникает грязный воздух с дымом, из-за чего герой закашливается. Это раздражает его еще сильнее, и в нем возникает желание отругать её. И все же он старается сохранять внешнее спокойствие, демонстрируя поистине японскую выдержку.

В повести «*О-Рицу и её дети*» также можно увидеть такие черты как японская выдержка и стойкость, однако здесь они негативно влияют на атмосферу в семье. Мать умирает, и ее сыновья не знают, как себя вести. Они оба любят ее, однако внешне пытаются сохранять самообладание. Синтаро хочет поддержать младшего брата, но вместо нужных слов находятся лишь бесполезные вопросы об обыденных вещах. После визита доктора Синтаро понимает, что мать уже не спасти. Когда он навещает мать, та пытается

улыбаться сквозь боль и успокаивает сына, что, возможно, все еще не так плохо и она выздоровеет – такие случаи бывали. Синтаро больно смотреть на такую мать, но он соглашается с ней, чтобы не причинять ей еще больше боли и в очередной раз пытается держать на людях лицо.

В рассказе «*Ком земли*» японская выдержка проявляется в том, что свекровь, которая подвергается нападкам со стороны невестки, все это терпит, т.к. невестка единственная, кто может выполнять по дому мужскую работу. «*она безропотно терпела. Отчасти по привычке к терпению и покорности, отчасти потому, что ее внук Хиродзи привязался к ней больше, чем к матери*» [1, «Ком земли»].

С насмешкой отражено традиционное японское хладнокровие в рассказе «*Обезьяна*». Там команда корабля смеется над помощником командира, который все время напоминает матросам о «воспитании воли», но места себе не находил, когда пропал сигнальщик Нарасима, которого обвинили в краже вещей.

Черты **бережливость, аккуратность** также находят свое отражение в произведениях Акутагавы как иллюстрация одной из сторон национального характера.

К примеру, в рассказе «*Десятииеновая бумажка*» Ясукичи просит Аваносана дать ему в долг те десять иен, которые он предлагал ранее. Однако он так и не решается их потратить в мучениях из-за того, что взятые в долг деньги нужно обязательно вернуть, а он даже не знает, когда сможет это сделать.

В рассказе «*Чудеса магии*» осуждаются черты, противоположные японской бережливости – расточительство и жадность. Как только герой, желавший научиться магии, начинает с азартом играть в карты ради корысти, он сразу же осознает, что недостойн владения этим искусством.

В рассказе «*Лук*» наивная и восторженная официантка Окими, увлекающаяся искусством, во время свидания вдруг возвращается к реальной жизни, где подскочили цены и необходимо экономить. Она видит в лавке лук по четыре сэна за пучок, решает, что это важнее, чем романтические идеалы и идет за покупкой, оставляя в недоумении своего незадачливого кавалера.

Любознательность японцев проявляется в том, что стремятся дойти до сути вещей. Другими словами, ей присущ деловой подход.

Эта любознательность проявляется в рассказе «*Винные черви*», когда главный герой, к которому в гости пришел монах и заявил, что герой болен, «*хоть сам он и не отдавал себе в этом отчета, ему было любопытно полечиться у чужеземной знаменитости*» [24, «Винные черви»].

В рассказе «*Мандарины*» герой раздражается из-за девочки, которая непонятно что забыла в вагоне второго класса, однако он решает понаблюдать

за тем, что она будет делать дальше и к чему это приведет. Приводит это к мирному разрешению так и не возникшего конфликта: когда поезд выезжает из туннеля, герой видит за окном трех мелких мальчишек, которые, завидя поезд, начинают бешено махать руками и что-то кричать. Девочка же в ответ им кидает из окна несколько мандаринов.

Теперь герою становится понятно, почему девочка так себя вела: она едет на заработки и хотела попрощаться со своими братьями, которые вышли сюда специально чтобы ее проводить.

В рассказе «*Из записок Ясукити*» Ясукити сидит в ресторанчике и замечает двух офицеров, пьющих пиво. Один из них – управляющий в школе, где работает Ясукити. Знает его Ясукити лишь из-за того, что тот выдает ему жалованье.

Управляющий издевается над нищим мальчишкой под окном, предлагая ему погавкать в обмен на еду. Ясукити мысленно иронизирует над ним, заявляя, что эксперименты давно показали, что человек готов обменять чувство собственного достоинства на еду. Однако даже если Ясукити знает конечный результат, он считает, что «эксперимент» имеет право на существование. Поэтому Ясукити не мешает ему и только наблюдает.

В рассказе «*Нос*» также выражена пытливость японской природы, Монаху было горько всю жизнь страдать из-за своего уродства – огромного носа – поэтому он прибегал к разным способам смириться со своей проблемой: он и пытался найти способ сделать так, чтобы его нос казался короче, чем он есть, и искал людей с такой же проблемой, и выискивал персонажей с таким же носом в книгах, т.к. был уверен, что у этой проблемы должно быть какое-нибудь решение.

Итак, опираясь на вышеизложенный анализ, можно сделать вывод, что проблемы национальной идентификации находят широкое отражение в произведениях Акутагавы Рюноскэ. В рассказах Акутагавы можно увидеть такие характерные японские черты, как любовь к труду, чувство прекрасного, созерцание природы, склонность к заимствованию и переосмыслению старого, японские традиции, деловой подход к вещам, дисциплинированность, склонность опираться на авторитет, чувство долга, учтивость, стремление к педантичности и чистоте, японская выдержка, бережливость, желание проникнуть в суть вещей. Всё вместе это составляет психологический портрет японца того времени, в котором жил автор – начало XX века.

Каждый рассказ Акутагавы наполнен уникальным мировосприятием автора и отражает в том или ином виде окружающую действительность. Акутагава писал о зле. Акутагава писал о горькой несправедливости мира и о

том, как люди забывают своё собственное «я», свою человечность, начиная относиться к другим с жестокостью и презрением. Вместе с этим в его сердце всегда было место доброте – он не воспринимал зло как норму жизни. Наоборот, показывая зло во всей его неприглядной красе, он еще более контрастно выделял на этом фоне добро. Пусть зло неизбежно, но так же неизбежна и победа над этим злом.

Акутагава писал о людях и обществе, как едином целом, связанной и неделимой сущности. Жизнь человека и есть жизнь общества, даже если на первый взгляд кажется, что история совсем не об этом. Нельзя написать о человеке, не показав, в каком социуме он находится – вот главная мысль, проходящая через произведения писателя. Еще одна мысль – стремление показать ценность человеческой жизни. Это, конечно, не значит, что все герои разделяют это мнение автора. Но по тому, как он изображает жестокость, как отрешенно и где-то даже холодно рисует зло, понимаешь, что писатель не считает это нормой.

Акутагава не теряет самообладание, сталкиваясь с язвами общества. Он вскрывает и уничтожает их своей беспощадной и ироничной критикой. Невозможно не проникнуться его идеями. А вот что делать с ними дальше – решать только читателю: всё потому, что даже в своей неумолимой критике Акутагава не ведет пропаганду и ни к чему не призывает – в первую очередь он рассказывает историю как она есть.

Акутагава не ставит целью написать захватывающий сюжет, его сюжет носит вспомогательный характер, для того чтобы раскрыть самую главную ценность в его работах: истинную сущность человека.

Чем дальше, тем сильнее Акутагава углублялся в тему социального порядка, высмеивая и осуждая его с помощью тонких метафор. Это было неудивительно: в двадцатых годах японское общество переживало кризис, и такой тонко чувствующий писатель, как Акутагава, не мог остаться к этому равнодушным, он на это отреагировал.

Акутагава черпал вдохновение для своих произведений в разных источниках: и в древних хрониках, и в средневековой повести, и в современности. И к чему бы он ни прибегал, его работы не теряли актуальности, они словно жили «сегодняшним днем». Поэтому и теперь, спустя век, они так же интересны читателям; точно так же в них можно увидеть отражение окружающей действительности, жизненность происходящих событий. Пусть события далеки от нас исторически, но они всегда близки душевно.

Акутагава всегда был и остается японцем, что ярко заметно из его

произведений. Смешивая японскую историю, мифологию и культуру в нечто новое и уникальное, он мастерски раскрывает сущность японского национального характера, поднимает вопросы как присущие непосредственно той эпохе, в которой он творил, так и универсальные для любой эпохи и страны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В первой главе с разных сторон был охарактеризован исторический период: Япония, как традиционное общество, столкнувшись с огромным внешним миром после своего открытия, была вынуждена бороться с рядом проблем. Эти проблемы носили и социальный, и экономический, и культурный характер. Даже несмотря на то, что Японии удалось интегрировать в свою культуру западные ценности, не приходится полагать, что это произошло быстро и безболезненно.

В политическом плане это развитие привело сначала к возникновению феномена так называемой «демократии Тайсё», когда в обществе возник подъем либерального движения, однако позже в качестве ответной реакции на чрезмерное увлечения идеалами Запада стали нарастать националистские тенденции. С другой стороны, Японии необходимо было наращивать военно-экономическую мощь, чтобы на современном уровне соперничать с высокоразвитыми на тот момент державами Запада и США. Это привело к становлению Японии на путь империализма.

В культурной жизни Японии также происходили многочисленные изменения. Они касались и самого общественного уклада общества, и его религиозной жизни, и литературы, и традиционного японского искусства. Под воздействием Запада во все сферы жизни проникали новые идеи.

Другими словами, национальная идентификация японцев подверглась ударам в различных сферах общества. В такой ситуации у людей было только два пути: либо принять случившиеся изменения и приспособиться к новому восприятию и себя-индивидуума, и общества в целом; либо отказаться признавать какие-либо изменения и попытаться сохранить привычный уклад жизни. Во всех сферах – и культурной, и политической, и социальной – оставались консерваторы, которые не могли принять то, что Япония уже не та, что прежде. И всё же Япония не могла стоять на месте, и свежие идеи неизбежно проникали в неё, превращая её в страну нового образца, обладающую обновленной версией национальной идентичности.

Чтобы проследить выражение индивидуальности в литературе на примере прозы Акутагавы Рюноскэ, была предпринята классификация его работ; мы провели границу между рассказами о давних временах и рассказами о современности писателя (XIX-XX вв.), а также выделили в отдельную группу рассказы, имеющие в своем составе заведомо фантастические элементы. Такое разделение мотивировано тем, что, с одной стороны, мы считаем необходимым дать характеристику разным сторонам творчества писателя, и, с другой

стороны, тем, что размер данной работы не позволяет проводить слишком детальную классификацию. Для оценки раскрытия темы национальной идентичности на примере прозы Акутагавы Рюноскэ было решено провести анализ его произведений с точки зрения японского национального характера, включая черты, характерные для этнической общности целиком, черты, характерные для групп, и индивидуальные черты японцев.

Чтобы дать разностороннюю характеристику творчеству автора, исходя из двух предыдущих пунктов, мы, во-первых, провели идейно-тематический анализ его произведений: в каждом из рассказов мы определили свою «говорящую» тему, с точки зрения которой и был произведен последующий анализ. Во-вторых, мы нашли отражение различных черт национального характера в творчестве Акутагавы Рюноскэ.

Мы пришли к выводу, что проблемы национальной идентификации находят широкое отражение в его произведениях. В рассказах Акутагавы можно увидеть такие характерные японские черты, как любовь к труду, чувство прекрасного, созерцание природы, склонность к заимствованию и переосмыслению старого, японские традиции, деловой подход к вещам, дисциплинированность, склонность опираться на авторитет, чувство долга, учтивость, стремление к педантичности и чистоте, японская выдержка, бережливость, желание проникнуть в суть вещей. Всё вместе это составляет психологический портрет японца того времени, в котором жил автор – начало XX века. Автор уделяет время раскрытию социальной проблематики. Он жил во время перемен, и эти перемены нашли отражение в его творчестве. Если в рассказах о старых временах какие-то острые углы притупляются, или даже стираются вовсе, а в произведениях, использующих фантастические элементы, фокус может смещаться с проблематики на сами фантастические элементы (либо все произведение целиком воспринимается как сказка-вымысел), то реалистичные картины бытоописания концентрируют фокус на настоящем как оно есть, а значит, максимально пронзительно поднимают вопрос о национальной идентификации, который в начале XX века пронизывал все слои японского общества. Акутагава был писателем-гуманистом: он осуждал устаревшие античеловечные традиции, такие как кодекс бусидо, и в крайней степени негативно реагировал на проявления японского милитаризма, что нашло отражение в его произведениях.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Акутагава Рюноскэ. Паутинка. Новеллы: Пер. с яп. / Сост. В.С. Санович; Комм. Н.И. Фельдман, В.С. Сановича. – М.: Правда, 1987. – 480 с.
2. Акутагава Рюноскэ. Новеллы: Пер. с яп. / авторский сборник; – М.: Художественная литература, 1974. – 704 с.
3. Андреева, Г.М. Социальная психология. Учебник для вузов. / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2006. – 363 с.
4. Арисима Такэо. Женщина. Потомок каина / Пер. А. Рябкина. – М.: Художественная литература, 1967. — 396 с.
5. Астахова, Л.В. Европейское влияние на изобразительное искусство Японии в эпоху Тайсё (1912–1926) / Л.В. Астахова, А.А. Астахова // Вестник культуры и искусств. – 2020. – № 2 (62). – С. 25–35.
6. Борисова, А.А. Некоторые особенности возникновения новых школ японских традиционных искусств, возглавляемых измото / А.А. Борисова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2014. – Вып. 1. – С. 105-110.
7. Борисова, А.А. Японские традиционные искусства и действия измото в период Мэйдзи (1868-1912) / А.А. Борисова // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2012. – Вып. 2. – С. 102-107.
8. Бух, А. Япония: национальная идентичность и внешняя политика. Россия как другое Японии / Александр Бух [пер. с англ. П. Серебряный]. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 278 с.
9. Горбылев, А.М. Ниндзя: боевое искусство. / А.М. Горбылев. – М. : Эксмо, 2010. – 480 с.
10. Горегляд, В.Н. Классическая культура Японии: Очерки духовной жизни. / В.Н. Горегляд. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2006. – 352 с.
11. Григорьева, Т.П. Япония: путь сердца / Т.П. Григорьева. – М.: Новый Акрополь, 2008. – 389 с.
12. Гришелева, Л.Д. Формирование японской национальной культуры / Л.Д. Гришелева. – М.: Наука, 1986. – 286 с.
13. Забережная О.А. «Спор о бессюжетном романе»: литературные дискуссии Акутагава и Танидзаки / О.А. Забережная // Японские исследования. – 2019. – № 4. – С. 60–71.
14. История Японии / Под ред. А.Е. Жукова. – М.: Институт востоковедения РАН, 1998. – Т. 2. 1868–1998. – 703 с.
15. Конрад, Н.И. Запад и Восток / Н.И. Конрад. – М.: издательство Наука, 1966. – 520 с.
16. Кузнецов, Ю.Д. История Японии / Ю.Д. Кузнецов, Г.Б. Навлицкая. –

М.: Издательство «Высшая школа», 1988. – 432 с.

17. Курэ, Мицуо. Самураи / М. Курэ; пер. У. Сапцина. – М.: Издательство АСТ, 2007. – 192 с.

18. Ланда Р.Г. (отв. ред.) История Востока. В 6 т. Том 5. Восток в новейшее время: 1914-1945 гг. – М.: Восточная литература, 2006. — 717 с.

19. Лестев А.Е. Трансляция космологических и этических представлений китайской цивилизации на социокультурные практики боевых искусств Японии. / А.Е. Лестев // Современные востоковедческие исследования. – 2019. – 1(1). – С. 24-27.

20. Мак-Клейн, Джеймс. Япония. От сегуната Токугава в 21 век / Д. Мак-Клейн; пер. Е. Красулин. – М.: Издательство АСТ, 2011. – 896 с.

21. Мещеряков, А.Н. Император Мэйдзи и его Япония. / А.Н. Мещеряков. – 2-е изд. – М.: Наталис, 2009. – 736 с.

22. Мещеряков, А.Н. Реформы периода Мэйдзи: человеческое измерение. / А.Н. Мещеряков // Ежегодник Япония. – 2018. – Т. 47. – С. 350–366.

23. Мещеряков, А. Н. Японская новелла. / Сост. А. Н. Мещеряков // СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – 588 с.

24. Овсянников, Н.В. «Демократия Тайсё»: судьба либерализма в Японии в первой половине XX в. / Н.В. Овсянников // Вестн. Моск. Ун-та. – 2008. – Сер. 13 №1. – С. 3-13.

25. Одзава Х. Кэндо: полное практическое руководство. / Хироси Одзава. – Киев: София, 2000. — 181 с

26. Прасол, А.Ф. Япония. Лики времени. / А.Ф. Прасол – М.: Наталис, 2008. – 360 с.

27. Пронников, В.А. Японцы. Этнографические очерки / В.А. Пронников, И.Д. Ладанов. – М.: Наука, 1983. — 270 с.

28. Родичева И.С.. Философия дзэн-буддизма как фактор становления самоидентификации в японском обществе / И.С. Родичева, О.С. Новикова // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 4, ч.2. – С. 429–442.

29. Селимов, М.Г. Идеал женщины в творчестве Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965). Переосмысление взглядов на национальную культуру / М.Г. Селимов // Японские исследования. – 2020. – № 3. – С. 6–20

30. Танидзаки, Дзюньитиро. Похвала тени / пер. с яп. М. Григорьева. – СПб.: Северо-Запад Пресс, 2003. – 605 с.

31. Тягунова, Е.О. Традиция пейзажной гравюры син-ханга в этнокультурном контексте трансформации японского общества конца XIX – первой половины XX в. (на примере творчества Кавасэ Хасуй) / Е.О. Тягунова, А.Ю. Сеницын // Этнография. – 2020. – № 1 (7). – С. 6–21.

32. Чегодарь, Н.И. Литературная жизнь Японии между двумя мировыми войнами / Н.И. Чегодарь – М.: Восточная литература, 2004. – 222 с.
33. Friday K. Legacies of the sword. The Kashima Shinryu and samurai martial culture. / K. Friday, H. Seki – Honolulu: University of Hawai'i press, 1997. – 234 p.
34. Gordon, A. A Modern History of Japan: From Tokugawa Times to the Present. / Andrew Gordon. – Oxford University Press, Inc, 2003. – 384 p.
35. Varley P. Japanese culture. / Paul Varley. – Honolulu: University of Hawai'i press, 2000. – 383 p.
36. 有島武郎とはどんな人? 生涯・年表まとめ【代表作や家系、死因まで紹介】 [Электронный ресурс] / Rekisiru, 2021. — Режим доступа: <https://rekisiru.com/10940> — Дата доступа: 01.06.2021
37. 武者小路実篤の名言・格言 [Электронный ресурс] / 「癒しツアー」自然・音楽・名言で心も元気, 2021. — Режим доступа: https://iyashitour.com/meigen/greatman/mushanokoji_saneatsu — Дата доступа: 01.06.2021
38. 白樺派とは? 代表作家を含めてわかりやすく解説 [Электронный ресурс] / 純文学のすゝめ, 2019. — Режим доступа: <https://jun-bungaku.jp/shirakabaha-2/> — Дата доступа: 01.06.2021